

Еженедѣльный журналъ | № 37-й. | 8-го сентября 1911 года.

Часть официальная.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Перемѣны по службѣ:

14 юля, окончившій курсъ духовной семинаріи Георгій *Капустинскій* назначенъ псаломщикомъ въ с. Решневку, Староконстантиновскаго уѣзда.

26 августа, псаломщикъ села Барбаровки, Изяславльскаго уѣзда, Симеонъ *Пашинскій* уволенъ отъ должности

28 августа, псаломщикъ села Деревичъ, Новоградволынскаго уѣзда, Никандръ *Либайскій* уволенъ за штатъ.

30 августа, псаломщикъ села Макіевецъ, Изяславльскаго уѣзда, Владиміръ *Корженевскій* переведенъ въ село Пиляи, того же уѣзда.

2 сентября, окончившій курсъ духовной семинаріи Иларіонъ *Зуммеръ* назначенъ псаломщикомъ въ с. Москвитяновку, Изяславльскаго уѣзда.

Вакантныя мѣста.

а) священническія:

Въ с. Кокоревѣ, Кременецкаго уѣзда; жалованья священнику 300 руб. въ годъ; земли при церкви 74 дес. 1781 саж.; прихожанъ 1528 душъ; помѣщеніе есть.

б) псаломщическія:

Въ с. Сѣянцахъ, Острожскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 36 дес.; прихожанъ 1442 души; помѣщеніе ветхое.

Въ с. Сновидовичахъ, Овручскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 89 дес. 2141 саж.; прихожанъ 2200 душъ; помѣщенія нѣтъ.

При соборной церкви г. Ровно; жалованья псаломщику 100 руб. въ годъ; земли при церкви

46 десятинъ 1056 саж.; прихожанъ 926 душъ; помѣщеніе есть.

Въ с. Мошкахъ, Овручскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 39 дес.; прихожанъ 2708 душъ; помѣщеніе ветхое.

Въ с. Загорцахъ, Кременецкаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 37 дес.; прихожанъ 1093 души; помѣщеніе есть.

Въ с. Дьяковъ, Изяславльскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 48 дес.; прихожанъ 961 душа; помѣщеніе новое.

Въ с. Барбаровкѣ, Изяславльскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 41 дес. 1314 саж.; прихожанъ 1440 душъ; помѣщеніе ветхое.

Въ с. Мокіевцахъ, Изяславльскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 р. въ годъ; земли при церкви 39 дес. 1909 саж.; прихожанъ 1388 душъ; помѣщеніе ветхое.

Въ с. Деревичахъ, Новоградволинскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 119 дес. 528 саж.; прихожанъ 1995 душъ; помѣщеніе ветхое.

Въ с. Лопатичахъ, Овручскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 43 дес.; прихожанъ 3310 душъ; помѣщеніе новое.

селенцевъ Зауральскихъ епархій представить въ Консисторію не позже 1 октября сего года, для отсылки по принадлежности.

Отъ Епархіального Попечительства.

По постановленіямъ Епархіального Попечительства, состоявшимся 3—4 авг. с. г., съ соизволенія Его Преосвященства, утверждены къ исполненію росписанія о бѣдныхъ духовнаго вѣдомства, составленныя на предметъ выдачи изъ суммъ мѣстныхъ окружныхъ попечительствъ по собой: 1) за 1-ю половину 1911 года, при воспособленіи двѣнадцатю руб. 50 коп. со стороны Епархіального Попечительства, по 3 му округу Староконстантиновскаго уѣзда, слѣдующимъ лицамъ: священническимъ вдовамъ—Ольгѣ Хотовицкой 6 руб. 40 коп., Маріи Кроткевичъ 6 руб. 40 к., Антонинѣ Голдаевичъ 6 руб. 40 коп., Юліи Корженевской 6 руб. 40 коп., священнической дочери Екатеринѣ Квашевской 6 руб. 40 к., псаломщическимъ вдовамъ—Минодорѣ Шокотовичъ 3 р., 25 коп., Акилинѣ Павловичъ 3 руб. 25 коп. и пономарской вдовѣ Маріи Пасѣчкѣ 2 рубля; 2) за 1-ю половину 1911 года, при воспособленіи тринадцатю руб. 50 коп. со стороны Епархіального Попечительства, по 4-му округу Владимірволинскаго уѣзда, слѣдующимъ лицамъ: священническимъ вдовамъ—Неонилѣ Саковичъ 12 руб., Маріи Миляшкевичъ 6 руб., Маріи Малиновской 5 руб., Александрѣ Абрамовичъ 12 руб., сиротамъ священнической вдовы Елены Ковалевской 8 рублей, псаломщическимъ вдовамъ—Варварѣ Сошинской 3 руб., Аннѣ Либацкой 7 р., Надеждѣ Костинской 6 руб., пономарскимъ вдовамъ—Феклѣ Гнажевской 5 руб. и Анастасіи Бѣлянкой 4 рубля; 3) за 1-ю половину 1911 года, безъ воспособленія со стороны Епархіального Попечительства, по 5-му округу Староконстантиновскаго уѣзда, слѣдующимъ лицамъ: псаломщическимъ вдовамъ—Іустинѣ Сатаневичъ 4 руб. и Анастасіи Михалюкѣ 8 руб.; 4) за 1 ю половину 1911 года, безъ воспособленія со стороны Епархіального Попечительства, по 2-му округу Овручскаго уѣзда, слѣдующимъ лицамъ: священническимъ вдовамъ—Ольгѣ Воеводко 8 руб., Маріи Яцковской 5 руб., Маріи Левитской 6 руб., Антонинѣ Кенсицкой 10 руб., священническому сыну Игнатію Игнатовичу 5 руб., псаломщическимъ вдовамъ—Ксеніи Бояковской 5 руб., Евфросиніи Вишневской 8 руб. и Екатеринѣ Скоропадской 3 рубля.

Отъ Волынской Духовной Консисторіи.

1. Духовная Консисторія симъ объявляетъ, что Волынскимъ Епархіальнымъ Начальствомъ выданы книги для сбора добротныхъ пожертвованій, въ предѣлахъ Волынской епархіи, на постройку и ремонтъ приходскихъ церквей, срокомъ на одинъ годъ:

1) На имя крестьянъ с. Яйно, Ковельскаго уѣзда, Діонисія Николаева Пикуля и Митрофана Маркова Дьяка,—за № 20165.

2) На имя крестьянъ дер. Макотерты, Пересопницкаго прихода, Ровенскаго уѣзда, Андрея Фурманюка и Михаила Полищука,—за № 20584.

3) На имя крестьянъ с. Бужанъ, Владимірволинскаго уѣзда, Петра Григоріева Квасовца и Степана Захарьева Радецкаго,—за № 20930.

4) На имя крестьянина, жителя г. Овруча, Михаила Николаева Крыжановскаго,—за № 21437.

II. На основаніи резолюціи Его Высокопреосвященства, отъ 20 августа сего года за № 4876, послѣдовавшей на отношеніи Г. Товарища Оберъ-Прокурора Св. Синода, отъ 18 августа за № 25842, Духовная Консисторія поручаетъ о.о. благочиннымъ епархіи поступившія отъ церквей пожертвованія на постройку церквей и школъ для пере-

Редакторъ официальной части, Секретарь

Духовной Консисторіи **В. Добровольскій.**

Часть неофициальная.

Къ свѣдѣнію духовенства.

Копія рапорта священника села Черницы, Острожскаго уѣзда, Петра Качоровскаго, на имя Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, Архіепископа Волынскаго и Житомирскаго, отъ 2 августа 1911 г. за № 66.

Въ настоящее время у насъ, на Волыни, существуетъ разность обряда при совершеніи богослуженія въ праздникъ Воздвиженія Креста Господня—14 сентября. Эта разность не всегда нравится прихожанамъ. Иногда они протестуютъ. Приходится доказывать, почему совершается тотъ, а не иной обрядъ. На праздникъ Воздвиженія Креста Господня большинство Волынскихъ священниковъ воздвигаютъ Крестъ Господень (съ произнесеніемъ литіи и пѣніемъ „Господи помилуй“), меньшинство не воздвигаютъ. Я лично никогда не воздвигалъ, а всегда поступалъ согласно указанію Типикона, гдѣ въ концѣ статьи на 14 сентября курсивомъ прописано: „аще ли же не въ соборныхъ храмѣхъ и воздвиженіе креста не бываетъ, тоію поклоненіе кресту, якоже указано въ недѣлю третію святыхъ постовъ“. Вслѣдствіе такого прямого запрещенія Типикона воздвигать крестъ въ сельскихъ храмахъ очевидно, что въ тѣхъ приходяхъ сельскихъ, гдѣ воздвиженіе совершается, тамъ это дѣлается по незнанію Устава. По всей вѣроятности Воздвиженіе Креста должно всегда совершаться съ торжественностью, каковой не можетъ быть въ селѣ, при совершеніи обряда не нѣсколькими, а однимъ только священникомъ. Однако совершеніе обряда воздвиженія другими сельскими священниками поселяетъ среди прихожанъ разные толки, что и побуждаетъ меня обратиться къ Вашему Высокопреосвященству за совѣтомъ о томъ, какъ поступить въ наступающій праздникъ Воздвиженія Креста: воздвигать ли крестъ или согласно Уставу не воздвигать.

На подлинномъ резолюція Его Высокопреосвященства отъ 11 августа 1911 года за № 6621 послѣдовала такая: „Можно совершать это священнодѣйствіе во всѣхъ храмахъ, гдѣ къ тому привыкъ народъ, но совершать слѣдуетъ правильно, т. е. священникъ долженъ воздвигать крестъ на востокъ, на западъ, на югъ, на сѣверъ и снова на востокъ, *стоя* на одномъ мѣстѣ (по среди храма или на амвонѣ), а то я слышалъ, что въ нѣкоторыхъ приходяхъ священники съ крестомъ становятся съ разныхъ сторонъ вокругъ аналогія, поворачиваясь лицомъ къ послѣдному. Это достойно смѣха, и я даже не сразу повѣрилъ та-

кимъ сообщеніямъ. Діаконъ долженъ стоять противъ креста со свѣчей и кадиломъ и возглашать прошенія“.

Окружный миссіонеръ.

Не особенно давно въ нашей епархіи введены такъ называемые „окружные миссіонеры“. Послѣдними являются приходскіе священники, избираемые окружными собориками по одному на каждый благочиннической округъ. Цѣль установленія у насъ въ епархіи института окружныхъ миссіонеровъ очень проста и несложна—имѣть въ каждомъ благочинническомъ округѣ человѣка, обладающаго нѣкоторыми миссіонерскими познаніями, способнаго при случаѣ оказать помощь своему собрату приходскому пастырю. Вотъ почему окружные миссіонеры ежегодно приглашаются на миссіонерскіе курсы, гдѣ помимо теоретическихъ лекцій по обличенію сектантства устраиваются и примѣрныя практическія бесѣды. Разумѣется за два года существованія у насъ окружныхъ миссіонеровъ говорить о ихъ дѣятельности преждевременно; поэтому въ настоящей замѣткѣ я разберу лишь тѣ ходячія возраженія, какія обычно раздаются противъ института окружныхъ миссіонеровъ. Говорятъ: зачѣмъ окружной миссіонеръ, разъ у насъ имѣется миссіонеръ епархіальный? Но развѣ возможно одному епархіальному миссіонеру управиться безъ помощниковъ на всю епархію? Развѣ возможно послѣть во всѣ необходимые пункты такъ скоро, какъ это требуется интересомъ и важностью дѣла? Третьяго отъ одного епархіальнаго миссіонера, значить—возлагать ему на плечи бремя, не только тяжелое, но и неудобноносимое. И не этимъ ли объясняется, что должности епархіальныхъ миссіонеровъ по нѣкоторымъ епархіямъ по долгу не находятъ для себя кандидатовъ и остаются незамѣщенными. Нѣтъ, помощники миссіонеру необходимы, и возражать противъ этого трудно.

Другіе разсуждаютъ: нашему округу окружной миссіонеръ не нуженъ, потому что у насъ нѣтъ сектантовъ. И слава Богу, скажу я, что нѣтъ сектантовъ, и дай Богъ, чтобы ихъ никогда не было. Но, кто поручится, что они не появятся? Развѣ не видимъ мы, что сектантство въ Россіи все разрастается, и у насъ на Волыни оно появилось въ такихъ мѣстахъ, гдѣ о немъ и не слышали и гдѣ ожидать его появленія и не думали. Что же? Неужели только тогда поднимать вопросъ о миссіонерѣ, когда появится въ округѣ сектантство? Я полагаю, что необходимо быть готовыми заблаговременно. Запасъ, говоритъ пословица, бѣды не чинитъ. Третьи рѣшаютъ вопросъ такъ: окружной миссіонеръ не принесетъ пользы; нужно

завестъ уѣздныхъ миссіонеровъ, которымъ положить приличное жалованье. Мысль не дурна, но неисполнима. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же взять средствъ на жалованье уѣзднымъ миссіонерамъ? И кто дастъ эти средства? Зачѣмъ-же и толковать о томъ, что не можетъ быть приведено въ исполненіе?

Многіе толкуютъ: на что нужны окружные миссіонеры, когда каждый приходскій пастырь и безъ того, по самому своему положенію, является миссіонеромъ? И эта мысль безусловно вѣрная и справедливая, но и она не рѣшаетъ дѣла. Конечно, по своему положенію приходского пастыря каждый священникъ долженъ быть миссіонеромъ; но всегда ли такъ бываетъ? Отцы и братья, отвѣтите по правдѣ, по іерейской совѣсти! И я нисколько не виню въ этомъ случаѣ немиссіонерствующихъ собратій, потому что миссіонерское дѣло помимо всего прочаго требуетъ отъ человѣка специальныхъ знаній и способностей, которыми обладаютъ далеко не всѣ.

Иные боятся и опасаются, что окружный миссіонеръ будетъ подрывать авторитетъ мѣстнаго пастыря. Но, какъ было рѣшено на 1-мъ Волынскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ, окружный миссіонеръ является въ зараженные сектантствомъ приходы каждый разъ не иначе, какъ по приглашенію мѣстнаго пастыря. И явится, добавлю отъ себя, не какъ начальникъ ревизоръ, а какъ другъ и соратникъ для братской помощи. О подрывѣ авторитета мѣстнаго пастыря не можетъ быть и рѣчи. Наконецъ, не мѣшаетъ помнить и то, что окружный миссіонеръ является не подрывать, а спасать авторитетъ пастыря, когда онъ подрывается какимъ-нибудь дерзкимъ и бойкимъ на слово сектантомъ.

Въ заключеніе скажу: какъ-бы ни была незначительна польза отъ дѣятельности окружныхъ миссіонеровъ, она все-же есть; есть въ одномъ уже томъ, что въ округѣ все-же имѣется человѣкъ, способный, хотя не много, помочь своему собрату въ нужномъ случаѣ, если не дѣломъ, то хотя словомъ и наставленіемъ; и обладающій хотя нѣкоторыми миссіонерскими познаніями. Вреда же отъ существованія окружныхъ миссіонеровъ, во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакого. На этомъ пока и закончу; подробнѣе же поговоримъ въ другое время.

Е. В. М.

О церковномъ чтеніи.

Вопросъ о лучшей постановкѣ церковнаго чтенія, вопросъ давній, въ существѣ дѣла вопросъ рѣшенный въ опредѣленномъ смыслѣ, но забытый, заброшенный и только нынѣ, благодаря опредѣленію училищнаго совѣта при Св. Синодѣ, ему

суждено снова оживиться, настойчивѣе заявить о себѣ.

Нельзя не признать того, что такое обращеніе вниманія училищнаго совѣта на церковное чтеніе и его распоряженіе на курсахъ учителей церковно-приходскихъ школъ вести бесѣды, между прочимъ, и по псалмодическому чтенію, въ высшей степени желательно и вполне своевременно. Дѣйствительно, если мы разсмотримъ внимательно, въ какомъ положеніи находится у насъ церковное чтеніе и попытаемся сдѣлать соответствующее заключеніе, то думается, что для всѣхъ оно будетъ одно и то же: чтеніе церковное у насъ сплошь и рядомъ не стоитъ на надлежащей высотѣ, а въ иныхъ случаяхъ и изъ рукъ вонъ плохо. Между тѣмъ, до сихъ поръ не было сдѣлано серьезныхъ попытокъ къ тому, чтобы чтеніе церковное было поставлено правильно, согласно съ требованіями здраваго смысла, устава и въ особенности характера богослуженія православной церкви. Здѣсь имѣли мѣсто лишь частныя распоряженія нѣкоторыхъ преосвященныхъ, cadaго по своей епархіи, къ тому же не всегда достигшія желаемыхъ результатовъ; да еще та мизерная литература немногихъ въ своемъ количествѣ знатоковъ и ревнителей правильнаго церковнаго чтенія, которая состоитъ изъ мелкихъ статей и замѣтокъ, разсыпанныхъ по разнымъ церковнымъ журналамъ на протяженіи многихъ лѣтъ, плюсъ появленіе въ свѣтъ руководствъ по псалмодическому чтенію іеромонаха Геронтія и о. Богданова ¹⁾.

Коснемся теперь вопроса о томъ какое чтеніе будетъ правильнымъ церковнымъ чтеніемъ, согласнымъ съ характеромъ нашего богослуженія, а также и тѣхъ видовъ чтенія, которые должны быть отмѣчены какъ недостатки въ чтеніи церковномъ.

По общепризнанному мнѣнію правильнымъ церковнымъ чтеніемъ будетъ чтеніе псалмодическое—распѣвное.

Чтеніе псалмодическое удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ правильнаго церковнаго чтенія. Такъ оно удобно включаетъ въ себя свойства чтенія благоговѣйнаго, каковымъ должно быть чтеніе церковное по преимуществу, какъ имѣющее своимъ предметомъ Бога, Великаго, Непостижимаго, Которому мы, недостойные рабы Его, дерзаемъ предлагать свои хвалы, благодаренія и прошенія, притомъ въ храмѣ, который согласно словамъ Спасителя—„идѣже еста два или три собрани во имя Мое, ту есмь посреде ихъ“ (Матѣ. 18, 20)—есть мѣсто особеннаго присутствія Божія. Кто слышалъ псалмодическое чтеніе, тотъ знаетъ, что это чтеніе—однообразно спокойное, чуждое страст-

1) Первое изъ указанныхъ руководствъ іеромонаха Геронтія настойчиво можно рекомендовать духовенству церкви, какъ наиболѣе пригодное для ознакомленія съ правильнымъ церковнымъ чтеніемъ.

ныхъ порывовъ въ движеніяхъ голоса, наиболѣе соотвѣтствуетъ благоговѣйной настроенности чело- вѣка, въ глубокой вѣрѣ своей находящаго покой души, покой, котораго не нарушить суета жизни. Чтеніе нараспѣвъ, совершаемое съ благоговѣніемъ въ высшей степени умиительно. Умиительность — вторая отличительная особенность правильного церковнаго чтенія. Таковымъ церковное чтеніе должно быть, какъ выражающее чувства любя щему ихъ Отцу Небесному. Умиительно слышать наставленія отца и матери къ дѣтямъ ихъ, пре- подаваемая со всею любовію, которою такъ полно родительское сердце. Но, развѣ не еще болѣе умиительна должна быть бесѣда Отца Небеснаго къ земнымъ дѣтямъ Своимъ или этихъ дѣтей, искупленныхъ, спасенныхъ, облагодатствованныхъ?!

Итакъ отличительная особенность псалмоди- ческаго чтенія, его распѣвный характеръ вполне совмѣстимъ съ благоговѣніемъ и умиительностью въ чтеніи. Больше. Если можно такъ выразиться, въ содержаніе понятій благоговѣйности и умили- тельности церковнаго чтенія удобно вкладывает- ся понятіе о такомъ церковномъ чтеніи, коего отличительный признакъ есть распѣвность.

Что правильное церковное чтеніе должно быть распѣвнымъ, подтвержденіе сего можетъ слу- жить примѣръ церкви небесной, гдѣ ангелы и святые поютъ Богу ¹⁾, примѣръ церкви ветхоза- вѣтной, примѣръ первенствующихъ христіанъ, а равно и послѣдующихъ временъ, въ особенности же при св. отцахъ церкви — Василии Великомъ, Іоаннѣ Дамаскинѣ, Амвросіи Медиоланскомъ и нѣкото- рыхъ другихъ ²⁾. Есть также указанія въ учебной псалтири, что „преподобніи и богоносніи отцы... пояху псалтирь, тропари и молитвы“ ³⁾. Нако- нецъ свидѣтельства и заботы знатоковъ и ревни- телей церковнаго чтенія позднѣйшаго времени ⁴⁾ о сохраненіи въ богослуженіи церковномъ распѣ- наго чтенія говорятъ за правильность именно та- кого чтенія, а не иного. Всѣ приведенные выше авторитеты должны бы, кажется, были обезпечить псалмодическому чтенію наиболѣе широкое распро- страненіе, и принятіе его въ употребленіи цер- ковномъ естественно было бы отмѣтить, какъ совершившійся фактъ, но, къ сожалѣнію, этого сдѣлать, никоимъ образомъ, нельзя.

Положеніе вещей таково. Псалмодическое чте- ніе въ чистомъ его видѣ сохранилось лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и преимущественно въ дре- нихъ монастыряхъ; повсюду же есть чтеніе, болѣе или менѣе уклонившееся отъ своего первоначаль- наго образа.

За неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній трудно про- слѣдить, какъ быстро совершалась и когда нача-

лась такая переменна въ чтеніи, можно указать лишь причины сего. Невѣжество чтеца, халат- ность, небрежность, невнимательность въ чтеніи — вотъ первыя причины уклоненія отъ правиль- наго церковнаго чтенія, причины, слѣдствіемъ ко- торыхъ явилось чтеніе неразборчивое, невнятное, неосмысленное, иногда очень тихое, которое мо- жетъ слышать лишь самъ чтець, иногда очень громкое, но такое чтеніе, которое трудно разо- брать, — такъ быстро читаютъ. Слышны лишь окончанія словъ и фразъ, по которымъ трудно заключить о содержаніи читаемыхъ молитвословій. Много говорить о существенности подобныхъ не- достатковъ не приходится. Непригодность чтенія такого рода очевидна, ибо что можно сказать въ защиту его, когда, напримѣръ, при чтеніи мо- литвы „Отче Нашъ“ намъ удастся услышать лишь эти первыя слова, да окончаніе „отъ лукаваго“, вмѣсто же остальныхъ словъ молитвы нашему слуху предлагается весьма странное и притомъ очень недолговременное бормотаніе.

Другія причины уклоненія отъ псалмоди- ческаго чтенія лежатъ въ признаніи со стороны нѣ- которыхъ этого самаго чтенія „отжившимъ“, въ погонѣ за нѣвымъ, свѣтскимъ, разговорнымъ чте- ніемъ, въ признаніи правильности, современности, разумности именно такого чтенія, разговорнаго. Но чтеніе свѣтское, разговорное есть новшество, не узаконенное предыдущею практикою церкви, ей несродное, какъ не соотвѣтствующее благо- говѣйному характеру и особенно умиительности въ чтеніи церковномъ. Ошибочно мнѣніе, что чте- ніе разговорное, не чуждое театральныхъ приемовъ и декламации, возбуждаетъ религіозное чувство молящихся; оно питаетъ лишь ихъ эстетическую петребность: въ этомъ лежитъ и причина успѣха разговорнаго чтенія. Оно пользовалось, да и до сихъ поръ пользуется сочувствіемъ не только среди свѣтской публики, но и среди тѣхъ, которые долж- ны бы были относиться къ нему отрицательно, какъ болѣе или менѣе освѣдомленные въ его не- пригодности для православнаго богослуженія. Да иногда даже и въ духовныхъ училищахъ и семи- наріяхъ псалмодическое чтеніе было въ загонѣ; здѣсь также увлекались чтеніемъ разговорнымъ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ популяри- зация разговорнаго церковно-славянскаго чтенія росла, все болѣе и болѣе стѣсняя псалмодическое распѣвное чтеніе. Послѣднее представлялось въ карикатурномъ видѣ, именуясь „дьячковскимъ“. Его стыдились ¹⁾.

И такъ, правильное распѣвное церковное чте- ніе, освященное всей предыдущей практикою церк- ви, во многихъ случаяхъ было вытѣснено съ за- мѣною его чтеніемъ свѣтскаго характера, которое, не встрѣчая препятствій въ своемъ развитіи, въ крайнихъ своихъ проявленіяхъ, при искусствен-

1) Апокал. 19, 5.

2) Іером. Геронтія „Методъ богослуж. возгласовъ“.

3) Учеб. Псалтирь л. 11.

4) Таковы: Никаноръ Архіеп. Херсонскій. Д. Соловьевъ, Ильинскій, Іером. Геронтій, г. Богдановъ, С. А. Рачинскій.

1) Пособіе къ цер. чтенію г. Богданова.

ной патетичности и театральныхъ голосоизмѣненіяхъ достигало иногда высшей степени безобразія, гораздо большаго, чѣмъ то, когда читаютъ „Отче нашъ“ съ перваго слова до послѣдняго, а слышно именно лишь только первое слово да по слѣднее.

Указавъ недостатки церковнаго чтенія въ его неосмысленности и невнятности съ одной стороны и свѣтскомъ характерѣ съ другой, не можемъ не сдѣлать оговорки; кромѣ чтенія псалмодическаго, распѣвнаго, признаваемаго согласно всѣмъ указаннымъ выше авторитетамъ чтеніемъ правильнымъ, допустимъ еще одинъ родъ чтенія, носящаго хотя и разговорный характеръ, но существенно отличающагося отъ того, которое разобрано нами, какъ недостатокъ въ чтеніи. Этотъ родъ чтенія не имѣетъ въ себѣ чуждыхъ церковному чтенію искусственныхъ, театральныхъ повышеній или пониженій голоса; здѣсь вообще ничего искусственнаго, здѣсь все отъ сердца чистаго, отъ души, объятаго пламенемъ молитвы. Это даже не есть чтеніе, это бесѣда человѣка съ Богомъ, въ которой человѣкъ какъ бы видитъ предъ собою Господа и предъ Лицемъ Его высказываетъ Ему свои хвалы, открываетъ и боли сердечныя. Думается, что такое чтеніе, такая молитва-бесѣда доступна не всякому, это даръ молитвы, свойственный людямъ, имѣющимъ большой религіозный опытъ, все существо которыхъ наполнено мыслию о Богѣ, или же такимъ, которые способны на большое религіозное воодушевленіе. Попробуемъ пояснить примѣромъ. Литургія.. Мы слышимъ священника, произносящаго богослужебные возгласы и молитвы разговорно.. Моментъ, когда сердце предстоящаго престолу наиболѣе способно къ воспріятію благодати. Читается евхаристическій канонъ. Служащій видимо хочетъ воодушевиться, хочетъ видѣть предъ собою Бога, къ которому громогласно взываетъ, хочетъ возбудить религіозное чувство и въ слушателяхъ.. но, вотъ служеніе его не трогаетъ насъ, не захватываетъ, не увлекаетъ къ Богу, совсѣмъ напротивъ, можно сказать выразительное, но имѣющее свѣтскій разговорный характеръ, такое служеніе смущаетъ насъ, у насъ является мысль о неумѣстности его въ церкви. Да и самъ служащій (если онъ только будетъ откровененъ) скажетъ намъ, что и онъ въ смущеніи: его разговорное служеніе не было бесѣдою съ Богомъ, ибо Бога, съ Которымъ хотѣлъ говорить онъ, не нашлось въ сердцѣ его, онъ Его не видѣлъ, не чувствовалъ... Не чувствовали и мы..

Но вотъ служить другой; рѣчь его дѣйствительна, каждое слово такъ и хватаетъ за душу. Онъ служить также разговорно, но какъ отличается это его служеніе отъ служенія перваго священника!..

Да разговорный характеръ служенія о. Іоанна Кронштадтскаго развѣ лишалъ дѣйственности

это служеніе?! Развѣ впечатлѣніе отъ такого служенія не было огромно?! Развѣ читаемые имъ каноны и не псалмодически не вызвали слезъ у слушателей?! Можетъ быть такъ умѣютъ молиться и читать еще многіе, Вѣдь читалъ же покойный Минскій Епископъ Симеонъ акаѣисты и каѣизмы не псалмодически; и не смотря на то, чтеніе его производило сильное впечатлѣніе и молитва его западала въ души современниковъ, какъ о томъ и было засвидѣтельствовано въ рѣчи, произнесенной надъ гробомъ покойнаго ¹⁾).

Изъ сказаннаго ясно, что псалмодическое чтеніе, какъ наиболѣе соответствующее характеру нашего Богослуженія и имѣющее за собою многовѣковую практику, есть образецъ въ церковномъ чтеніи.

Чтеніе неосмысленное, невнятное, небрежное нетерпимо.

Чтеніе разговорное, свѣтское—новшество, совершаемое безъ религіознаго воодушевленія, производитъ соблазнъ и смущеніе въ душахъ вѣрующихъ и въ лучшемъ случаѣ удовлетворяетъ лишь ихъ эстетическую потребность, не возбуждая религіознаго чувства. Какъ не чуждое театральныхъ приемовъ и искусственности, разговорное чтеніе должно быть признано несроднымъ Богослуженію православной церкви.

Чтеніе, хотя и имѣющее разговорный характеръ, но производимое съ большимъ религіознымъ воодушевленіемъ, не имѣющее и признаковъ искусственности и театральныхъ голосоизмѣненій можетъ быть допускаемо лицами, способными на такое религіозное воодушевленіе. Но какъ наличность такого высокаго религіознаго чувства не всякому доступна, то и къ чтенію указаннаго выше свойства приступать можно лишь съ большою осторожностью. Вотъ что повѣдалъ мнѣ въ откровенной бесѣдѣ одинъ пастырь, совершавшій богослуженіе разговорно. „Знаете, что скажу я вамъ: вотъ уже нѣсколько лѣтъ прошло, какъ я совершаю такъ (т. е. разговорно) богослуженіе, но не могу привыкнуть.. И до сихъ поръ бываетъ, что вотъ я при произнесеніи того или другого возгласа или молитвы, при своихъ обращеніяхъ къ Господу и предстоящимъ испытываю неловкость, иногда прямо стыдъ. Начинаю возгласъ или молитву громко и спѣшу кончить поскорѣе... И отчего это!? Увы, причина понятна: вдохновенія нѣтъ, не возбуждено религіозное чувство. Не скрою отъ васъ: самъ я человѣкъ религіозный, службу Божію люблю; иногда служишь, забудешь все въ молитвѣ, плачешь... долго... И вотъ тогда то и возгласы и молитвы совсѣмъ другія. Ужъ не стыдно тогда, чувствуешь, что каждое слово твое, зажигаю тебя самого, увлекаетъ и сердца слушателей. Молясь самъ, чуешь, что за тобой

1) Минскія Епарх. Вѣд. за 1899 г. № 16. См. Слово при погребеніи Симеона Еп. Минскаго и Туровскаго протоіерея А. Юрашкевича, нынѣ члена Гос. Думы.

молится толпа людей... И дай бы Богъ такъ всегда молиться и служить, да вотъ вдохновенія не хватаетъ! А служить разговорно безъ вдохновенія стыдно. . Ощущеніе сознанія, что ты рисуешься... Лучше ужъ не служить!“

Пусть не думаетъ читатель, что при большомъ религіозномъ воодушевленіи нельзя излить молитвенныя чувства въ чтеніи псалмодическомъ, распѣвомъ. Псалмодическое чтеніе наиболѣе для сего благоприятно, равно какъ и разговорный характеръ чтенія не препятствуетъ сему. Вообще для такихъ порывовъ религіознаго чувства нельзя указать опредѣленныхъ оттѣнковъ внѣшняго способа выраженія ихъ въ словѣ, дабы не стѣснить высокихъ проявленій высокаго духа. Здѣсь можно повторить только то, что лишь чтеніе искусственное, разговорное, совершаемое безъ религіознаго воодушевленія, совершенно не можетъ быть допустимо въ церковномъ обиходѣ. Псалмодическое же чтеніе, совершаемое даже и безъ религіознаго чувства, прилично; распѣвный характеръ его какъ бы сглаживаетъ недостатокъ религіознаго воодушевленія чтеца

(Новг. Епарх. Вѣд.).

Свѣтская печать о духовенствѣ.

БАРАБАНОВЪ.

Разсказъ С. Гусева Оренбургскаго.

(„Новый Журналъ для всѣхъ“. Январь, 1911 г.).

„Не скрывайте себѣ сокровищъ на земли“ (Мѡ. 6, 19).

„Идѣже бо есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше“ (Тамъ же, ст. 21).

Г. Гусевъ-Оренбургскій снискалъ себѣ большую популярность своими разсказами и повѣстями изъ быта сельскаго духовенства. Поэтому, приступая къ изложенію и разбору настоящаго разсказа, мы думаемъ, что имя его автора, давно извѣстное нашимъ читателямъ, въ достаточной степени показываетъ, насколько этотъ разсказъ заслуживаетъ ихъ благосклоннаго вниманія.

Передъ нами выступаетъ въ разсказѣ съ одной стороны—зажиточный сельскій священникъ, больше всего помышляющій о приумноженіи сво-

Примѣчаніе: На епарх. съѣздѣ 1911 г. о.о. депутаты высказывали желаніе, чтобы въ Епарх. Вѣд. помѣщались статьи „Свѣтская печать о духовенствѣ“. Редакція охотно идетъ навстрѣчу этому желанію, для чего пригласила спеціальнаго сотрудника.

ихъ доходовъ, съ другой—оригинальная личность крестьянина Матвѣя Барабанова, въ которой авторъ намѣтилъ недавно появившійся въ народѣ типъ защитника „мірской правды“. Герой разсказа, священникъ с. Гнѣздовки, о. Стефанъ съ самаго вступленія своего на приходъ сталъ во враждебныя отношенія съ Барабановымъ. Послѣдній не ходилъ въ церковь, не говѣлъ, не принималъ иконъ во время крестныхъ ходовъ и, вообще, велъ себя страннымъ образомъ: въ свободное отъ работы время скакалъ верхомъ по окрестнымъ дорогамъ. По селу ходили про Барабанова темныя слухи. Говорили, что онъ, будучи внукомъ колдуна, которому послѣ смерти односельчане осиновымъ коломъ пробили спину, сыномъ перваго въ округѣ пьяницы, вора и конокрада, унаслѣдовалъ съ дѣдовскою хатою репутацію своего отца, хотя и не пилъ. На сходахъ онъ оскорблялъ односельчанъ рѣзкими и обидными словами. Нѣкоторые, впрочемъ, основываясь на трудолюбіи и хозяйственности Барабанова, не вѣрили слухамъ о причастности его къ воровству и конокрадству, приписывали ихъ досужей фантазіи его враговъ, а рѣзкія выходки Барабанова на сходахъ извиняли тѣмъ, что онъ „защищаетъ мірскую правду“. Съ о. Стефаномъ Барабановъ никогда не встрѣчался. Разъ или два въ годъ діаконъ ходилъ къ нему на домъ и бралъ съ него деньги за уклоненія отъ обязанностей церковно-приходской жизни. Послѣ одного изъ такихъ „уклоненій“ Барабановъ имѣлъ съ діакonomъ разговоръ, въ которомъ о. Стефану почудились зловѣщія угрозы. Это обстоятельство и побудило о. Стефана по пути въ городъ остановиться для ночлега на постояломъ дворѣ, гдѣ совершается событіе, служащее сюжетомъ предлагаемаго разсказа. О. Стефанъ везъ деньги, съ цѣлью положить ихъ въ банкъ. Опасаясь нападенія Барабанова, онъ не рѣшался ѣхать ночью, хотя до города было уже недалеко. На постояломъ дворѣ онъ засталъ возчиковъ камня съ ихъ старостою „Каменнымъ Дѣдомъ“ и скототорговца, съ которымъ онъ тотчасъ-же разговорился. Скототорговецъ оказался пріятелемъ Барабанова, вслѣдствіе чего разговоръ естественно перешелъ на эту таинственную личность. Какъ разъ въ то самое время, когда о. Стефанъ сообщалъ скототорговцу свои подозрѣнія насчетъ его пріятеля, въ избу вошелъ самъ Барабановъ. Его внѣшній видъ авторъ описываетъ такъ: „Мужикъ былъ средняго роста, не старый, очень стройный и тонкій, съ живыми и смѣлыми движеніями, съ лицомъ открытымъ, веселымъ, временами дерзкимъ, но въ этой дерзости проглядывалъ насмѣшливый и самоувѣренный умъ. Въ его взглядѣ внимательно-наблюдающемъ свѣтился какой-то ироническій огонекъ“. Войдя въ избу, Матвѣй весело поздоровался съ возчиками, поцѣловался съ „Каменнымъ Дѣдомъ“ и, замѣтивъ скототорговца, протянулъ ему руку съ вопросомъ: „Все по скот-

ской? Скототорговецъ, подѣ впечатлѣніемъ рѣчей о. Стефана неохотно отвѣтилъ въ томъ смыслѣ, что онъ, по своей скотской части честно добываетъ хлѣбъ, чего нельзя сказать о нѣкоторыхъ людяхъ съ профессіей о четырехъ ногахъ, да и то чужихъ. Понявъ скрытый въ этихъ словахъ намекъ на конокрадство, Барабановъ вспыхнулъ. Онъ догадался, откуда вѣтеръ дуетъ и потому въ упоръ посмотрѣлъ на священника. Однако, овладѣвъ собою, Барабановъ весело разсмѣялся и сказалъ скототорговцу: „Не вѣрь, неправда!“ Послѣ этого, игнорируя о. Стефана, онъ громко и весело сталъ говорить съ возчиками, поминутно возбуждая у нихъ громкій смѣхъ. Рѣчи Барабанова были темныя и странныя, благодаря употребленію имъ разныхъ прибаутокъ и притчей, однако возчики съ восторгомъ ихъ слушали, не столько сознаниемъ, сколько чутьемъ, угадывая въ нихъ смѣлый призывъ ко всеобщему счастью. „Будетъ, говорилъ онъ, по завалинкамъ сидѣть, да на дороги глядѣть: не бѣжитъ-ли посоль съ гостинцами? Обувайся честной народъ во что попало, гуди по землѣ, топочи по дорогамъ... Устраивай, человекъ, жизнь по разуму своему, въ содружествѣ людскомъ, чтобы всѣмъ на свѣтѣ жилось любовно и весело!.. Давайте, друзья, съ Богомъ спорить. Я читалъ въ одной древней книгѣ: жилъ человекъ на землѣ Уцъ, звали его Іовъ“... Тутъ Матвѣй, въ сильныхъ и краткихъ словахъ, рассказавъ исторію Іова, закончилъ ее такъ: „И вошелъ тутъ гнѣвъ въ душу Іова. Сталъ онъ съ Богомъ спорить. И сказалъ ему Господь: „Возьми!“ И все вернулъ ему“.

Хотя о. Стефанъ мало понималъ смыслъ рѣчей Барабанова, однако онъ произвели на него сильное впечатлѣніе и съ прежними подозрѣніями его какъ-то не вязались. Смѣнивъ сторожившаго въ тарантасѣ работника, о. Стефанъ усѣлся на свои мѣшки съ деньгами и сталъ думать о Матвѣѣ. Станнымъ и могучимъ показался ему этотъ человекъ: „Пришелъ онъ невѣдомо откуда, невѣдомо зачѣмъ, пришелъ, засмѣялся и сталъ хозяиномъ! Говоритъ со всѣми, какъ съ друзьями, говоритъ громко и никого не боится.. за смѣхомъ его слышно что-то большое и серьезное, точно онъ миллионное дѣло затѣялъ, и къ тому же дѣло всѣмъ понятное“... Невѣрное, но своеобразное въ высшей степени толкованіе книги Іова даже понравилось о. Стефану; „если отбросить, думалъ онъ, всю философію, это самое и останется: вернулъ!“ И батюшка почувствовалъ, что этотъ человекъ возьметъ свое! И помимо желанія въ душѣ о. Стефана выросло уваженіе къ Матвѣю. Потомъ въ мысляхъ о. Стефана длиною дорогою встала его собственная жизнь, начиная съ бодрой, увѣренной въ своихъ силахъ юности, до настоящей минуты, когда онъ, потративъ жизнь на собираніе земныхъ благъ, — „сидитъ теперь на большой дорогѣ, во тьмѣ, бессонный, сторожитъ со-

кровища“. И жалость къ себѣ заползла въ душу о. Стефана, и смутно ему представилось, будто онъ стоитъ одинъ среди пустынного поля, смотритъ въ небо, скрытое тучами и говоритъ: „Господи! зачѣмъ Ты призвалъ меня къ Себѣ, въ Свои пророки, и не коснулся углемъ горящимъ моей души? Развѣ я для того шелъ сюда, чтобы собирать мѣдъ звенящую?“ Безсильная тоска, охватившая о. Стефана, становилась все глуше и глуше и, наконецъ, „унесла его въ какую-то мглу“.

Разбудилъ о. Стефана воръ, запустившій руку подъ его сидѣнье къ мѣшкамъ съ деньгами. Въ умѣ его молніей сверкнуло: — „Матвѣй!“ Съ ожесточеніемъ вцѣпившись въ преступную руку, священникъ въ темнотѣ началъ борьбу съ воромъ, изо всѣхъ силъ стараясь задержать его. Онъ вывалился изъ тарантаса, придавилъ вора къ землѣ, потомъ самъ очутился подъ нимъ и, наконецъ, послѣ долгой борьбы, получивъ ударъ колѣномъ въ животъ, выпустилъ вора, который тотчасъ-же скрылся въ темнотѣ. Священникъ поднялъ крикъ, на который сбѣжались возчики, хозяинъ и, немного погодя, самъ Барабановъ. Напрасно „Каменный Дѣдъ“ убѣждалъ о. Стефана, что Матвѣй не можетъ быть воромъ, что его „царствомъ не купишь“; напрасно онъ въ доказательство своихъ словъ ссылался на великодушіе, съ которымъ Барабановъ нѣкогда уступилъ ему для доставки камня свою лошадь вмѣсто подохшей, а самъ тридцать верстъ по грязи прошагалъ съ нимъ рядомъ... Батюшка не унимался. Когда онъ увидѣлъ Барабанова, спокойно присоединившагося къ толпившимся вокругъ возчикамъ, злоба его еще болѣе разгорѣлась. „Ты, ты... ты — воръ!“ — кричалъ онъ въ изступленіи, тыкая пальцемъ въ грудь Барабанова. Послѣдній съ изумленіемъ уставился на о. Стефана, который между тѣмъ рассказывалъ уже, какъ онъ скрутилъ Барабанову руки и какъ тотъ вырвался, ударивъ его нечестнымъ образомъ... Разслышавъ послѣднія слова, Барабановъ пришелъ въ себя, разсмѣялся и при всеобщемъ одобреніи предложилъ расходившемуся батюшкѣ: „Тебѣ на меня доказать нечѣмъ. А я оправдаться не могу. И на насъ обоихъ — тѣнь. Пусть это будетъ судъ Божій, какъ въ древнія времена... при купцѣ Калашниковѣ. И если ты меня на землю хоть разъ положишь, ну.. я во всемъ виноватъ!...“ О. Стефанъ принялъ вызовъ Барабанова. Согласіе священника на единоборство можетъ показаться странною выдумкою автора, если не принять въ соображеніе слѣдующихъ обстоятельствъ. Во первыхъ о. Стефанъ былъ сильно взволнованъ дерзкимъ покушеніемъ вора, во вторыхъ — измученъ бессонною ночью въ третьихъ — взбѣшенъ неудачею задержанія вора, и, наконецъ, въ четвертыхъ, присмотрѣвшись къ неизмятой одеждѣ и спокойному виду Барабанова, сталъ сомнѣваться въ его виновности. Въ то время какъ два первыя обстоятельства не давали

возможности ясно и трезво обсудить положеніе дѣла, два другія, и въ особенности послѣднее обстоятельство, вполнѣ объясняютъ согласіе о. Стефана. „Судь Божій?“ — тихо повторилъ онъ... Нужды нѣтъ, что участіе въ единоборствѣ недостойно его сана; Господь, направившій нѣкогда руку Давида на Голіафа, Господь и теперь, укрѣпивъ его силы, разсѣветъ его сомнѣнія, а этимъ людямъ насмѣхающимся закроетъ уста!.. Къ тому-же о. Стефанъ разсчитывалъ и на свои силы, съ помощью которыхъ нѣсколько минутъ назадъ почти уже одолѣлъ вора. Засучивъ рукава, о. Стефанъ накинулся на Матвѣя и.. почувствовалъ, что этотъ, словно въ землю вросшій, могучій человекъ не тотъ, котораго онъ нѣсколько разъ повалилъ на землю въ темнотѣ. Отскочивъ на минуту, священникъ съ удвоенными силами накинулся на Барабанова. Послѣдній, обхватилъ батюшку, описалъ имъ въ воздухѣ кругъ и тихо положилъ на землю. Въ смущеніи поднялся о. Стефанъ. Вдругъ вспомнивъ, что онъ въ прежней борьбѣ прокусилъ вору плечо, о. Стефанъ потребовалъ, чтобы Барабановъ показалъ свои плечи. Когда тотъ исполнилъ это требованіе, и показалъ свои чистыя безъ всякихъ слѣдовъ укуса плечи, священникъ упалъ на колѣни съ воплями: „Матвѣй! Прости! Прости, Христа ради!“

Утромъ слѣдующаго дня, когда батюшка рядомъ съ Барабановымъ, къ которому чувствовалъ уже безграничное довѣріе, выѣзжалъ со двора, работникъ Демьянъ, котораго не могли отыскать ночью, прибѣжавъ къ тарантасу, повалился на землю и завопилъ: „Не погуби!!!“ Онъ оказался тѣмъ воромъ, за котораго о. Стефанъ принялъ сначала Барабанова. Оставивъ несчастнаго на расправу возчиковъ, о. Стефанъ съ Матвѣемъ уѣхали. По дорогѣ они разговорились. Оригинальная фигура Матвѣя сказала въ этомъ разговорѣ такъ ярко, что мы приведемъ его здѣсь дословно.

— „Матвѣй! Отчего о тебѣ люди такъ плохо думаютъ?“ — спросилъ о. Стефанъ.

— Не всѣ! — тотчасъ отвѣтилъ Барабановъ.

— Я разумѣю гнѣздовцевъ нашихъ.

Барабановъ усмѣхнулся и слегка потряхнулъ головой.

— Не по ихнему живу!

— А въ Бога.. ты не вѣруешь?

— Какъ же не вѣрить, когда Онъ міръ сотворилъ.. и меня съ нимъ

— Такъ почему же ты въ церковь не ходишь?

Барабановъ взглянулъ все съ той же усмѣшкой, но, встрѣтивъ внимательный и довѣрчивый взглядъ священника, вдругъ самъ улыбнулся до вѣрчиво, и просто заговорилъ:

— Да я весь міръ, батюшка, храмомъ полагаю. Сводъ его—небо.. въ немъ звѣзды—свѣтильники, а паникадилы въ немъ солнце и луна. Ковры въ немъ—лѣса и степи съ цвѣтами и тра-

вами А Богъ живетъ въ звѣздахъ, и въ солнцѣ съ луной... въ цвѣтахъ и травахъ.. и въ сердцахъ человѣческихъ, исполняющихъ Его волю. Такъ зачѣмъ-же мнѣ каменные-то и деревянные то храмы?

— Сектантъ? — тихо сказалъ батюшка.

Барабановъ задумчиво покачалъ головой.

— Нѣтъ. Не то... Я самъ по себѣ.

И онъ какъ будто отдался своимъ мыслямъ.

— Ты вѣдь знаешь, какъ съ моимъ то дѣдомъ.. въ старые годы.. общественники поступили? Нехорошо поступили. Несправедливо. Когда отецъ разсказалъ мнѣ про это, помню—недѣлями, какъ сонный ходилъ. Своя, вѣдь, кровь-то, понимаешь? Дѣдъ! Большое слово. Предокъ, можно сказать Хотѣлъ я село сжечь! Маль былъ, глупъ былъ. Ну... отошло.. А не выдержалъ. Сбегъ—пошелъ по свѣту ходить Ужъ и не знаю, что я тогда думалъ. Вѣрно, свѣтъ хотѣлъ посмотрѣть.. что, молъ, это за штука такая, этотъ свѣтъ, гдѣ сѣдыхъ мертвецовъ изъ могилъ вырываютъ, да въ нихъ колья вколачиваютъ. И всѣ ли люди такіе? А свѣтъ то..

Барабановъ задумчиво усмѣхнулся.

— Бо ольшой оказался и хорошій! И людей въ немъ хорошихъ много. Въ разбродъ живутъ... пока что.. да ничего! Всѣ они думаютъ о томъ, какъ міръ по правдѣ устроить. А не умѣютъ! Только думаютъ.. И давно думаютъ И много отъ нихъ книгъ осталось, гдѣ вся неправда мірская разсказана.. Хорошихъ книгъ! И думалъ я: —отчего? Отчего эту правду, въ людяхъ и книгахъ запечатанную, надо по свѣту разыскивать.. тайкомъ! Ну, да ничего.. скоро понялъ!

Онъ вдругъ разсмѣялся въ лицо священнику.

— Вотъ и сталъ я съ тѣхъ поръ молиться на просторѣ: небу, звѣздамъ лунѣ и всѣмъ твоимъ реніямъ Божиимъ“.

Приведенный разговоръ заслуживаетъ особеннаго нашего вниманія по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, онъ характеризуетъ міросозерцаніе Матвѣя Барабанова; во вторыхъ,—бросаетъ яркій свѣтъ на причины обострившихся въ послѣднее время дурныхъ отношеній между пастыремъ и прихожанами, и уклоненія послѣднихъ отъ обязанностей церковно-приходской жизни. Поговоримъ сначала о міросозерцаніи Барабанова.

Изъ предыдущаго мы уже знаемъ, что въ своемъ селѣ Барабановъ имѣлъ дурную репутацію. Правда, кромѣ безбожія и оскорбительной рѣзкости на сходахъ никто про него ничего достовѣрно-дурного не зналъ, однако большинству односельчанъ Барабанова не нравились его непонятные развѣзды по дорогамъ не нравилось, что онъ „не по ихнему живетъ“. Съ весьма понятною злобою смотрѣли они на этого, живущаго между ними, но чуждаго имъ человека, у котораго и изба даже построена не такъ, какъ у людей, а

окнами во дворъ, глухой стѣной на улицу. Къ тому же гнѣздовцы живо помнили дѣда Барабанова—страшнаго колдуна. Онъ наводилъ на нихъ такой ужасъ, что они до тѣхъ поръ не могли успокоиться, пока не пробили ему послѣ смерти осиновымъ коломъ спины. Не могли гнѣздовцы забыть и отца Барабанова, не разъ, можетъ быть, угонявшаго у нихъ лошадей. Такіе люди—враги Матвѣя, несправедливо обвиняли его въ воровствѣ и конокрадствѣ. На самомъ дѣлѣ, какъ мы знаемъ уже изъ предыдущаго, Барабановъ не только не былъ конокрадомъ, но не прочь былъ уступить и свою лошадь въ случаѣ нужды; онъ не только не бралъ чужого, но безпрекословно отдавалъ свое, лучшей иллюстраціей чему могутъ служить хотя бы тѣ штрафы, которые за разныя уклоненія взимались съ него причтомъ с. Гнѣздовки. Отъ предковъ Барабановъ унаслѣдовалъ недюжинный умъ и кипучую энергію, отъ природы—горячее сердце и любовь къ людямъ. Отказавшись въ дѣтствѣ отъ мечты—сжечь за поруганный прахъ дѣда, село, Матвѣй убѣждалъ изъ дому не затѣмъ, конечно, чтобы, какъ самъ онъ говоритъ, посмотрѣть, „что за штука этотъ свѣтъ, гдѣ сѣдыхъ мертвецовъ изъ могилъ вырываютъ, да въ нихъ колья вколачиваютъ“, а затѣмъ, чтобы избавиться отъ гнетущаго страха и ненависти, вспыхнувшей въ его молодомъ сердцѣ подвліяніемъ страшнаго разсказа отца. Однако, мысль о чудовищномъ кощунствѣ гнѣздовцевъ не могла покинуть пылкую и впечатлительную душу Матвѣя и въ его добровольномъ изгнаніи. Скитаясь по дорогамъ, онъ безотчетно сталъ наблюдать встрѣчныхъ людей, и эти послѣдніе показались ему далеко человѣчнѣе и лучше гнѣздовцевъ. Онъ не понималъ еще того простаго факта, что дикій поступокъ съ его дѣдомъ учинила толпа, которая далеко не одно и тоже, что люди, взятые порознь. Каждый человѣкъ, выхваченный изъ этой толпы и разсматриваемый отдѣльно, далеко человѣчнѣе и выше того что вмѣстѣ съ другими въ толпѣ онъ способенъ сдѣлать. Матвѣй зналъ Калашникова, благородно защищавшаго свою честь, подражалъ ему, но не зналъ, что этотъ Калашниковъ, замѣшавшись въ толпу, звѣрски избиваетъ Годуновыхъ, Нарышкиныхъ и другихъ, часто ни въ чемъ неповинныхъ людей, не останавливаясь передъ мольбами матерей и кровью грудныхъ дѣтей. Поэтому Барабановъ, видя много хорошаго въ людяхъ, съ которыми во время скитаній своихъ сталкивался, не понималъ, что это хорошее онъ могъ бы при желаніи найти и въ своихъ односельчанахъ. Потомъ, когда онъ вернулся въ родное село, ему было скучно, и потому дома онъ не могъ усидѣть. Его тянуло на большія дороги и постоянные дворы, движеніе и суতোлка которыхъ могли дать выходъ излишку могучей энергіи, неисчерпывавшейся хозяйственными заботами унаслѣдованнаго отъ предковъ двора.

Съ такимъ то человѣкомъ судьба столкнула о. Стефана.

Приводимъ конецъ вышеприведеннаго разговора.

— „Большой ты грѣшникъ, Матвѣй.

— Чѣмъ это?

— Есѣмъ.. мыслями своими. Но я тебѣ не судья Я и самъ сейчасъ... не священникъ, а только грѣшникъ! Видишь вотъ .. деньги. мѣшки съ деньгами... въ банкъ везу.. Серебро и мѣдь! Коплю.. собираю... А душа моя... какъ подумаю иной разъ, когда есть время подумать, душа моя—колодезь безводный!

Барабановъ удивленно взглянулъ на него. И вдругъ съ порывомъ вскричалъ:

— Нѣтъ, отецъ! Не душа твоя—колодезь безводный... А идешь ты степью безводною!“

Барабановъ сказалъ правду. Душа о. Стефана была способна на все свѣтлое и доброе, какъ и всякая душа человѣческая, созданная по образу и подобию Божію, только путь она избрала себѣ „по степи безводной, которая ее ни накормить ни напоить не могла. Что удивительнаго, если она опустѣла, зачерствѣла и зачахла? Въ молодости, когда о Стефанъ писалъ стихи въ семинарскомъ журналѣ, у него работало воображеніе, кипѣли чувства, надежды окрыляли молодую душу, мечты уносились въ даль, за грани рутинной дѣйствительности „Было время, вспоминаетъ онъ о себѣ, когда шагаль по дорогѣ жизни бодро и увѣренно,—взять что-то хотѣлъ въ концѣ ея“. Но вотъ, прошла пора юности, получилъ о. Стефанъ приходъ, женился и за хлопотами о матеріальномъ обезпеченіи семьи „и думать стало некогда“. А когда пересталъ онъ думать, жизнь его стала слагаться помимо его желанія. Дѣйствительность въ видѣ насущныхъ матеріальныхъ нуждъ все болѣе и чѣмъ дальше, тѣмъ глубже затягивала о. Стефана. Вотъ, думалъ онъ на первыхъ порахъ, сдѣлаю это, или приобрѣту то, а потомъ подумаю. Но когда онъ оканчивалъ это, приобрѣталъ то, жизнь выдвигала другую потребность, и обдуманіе приходилось отложить. За удовлетвореніемъ другой потребности слѣдовала третья и т. д. до той минуты, когда оглянувшись, о. Стефанъ увидѣлъ, что у него нѣтъ прежней свѣжести чувства, что душа его зачерствѣла въ „степи безводной“, что взамѣнъ потерянной гдѣ то надежды на счастье въ концѣ жизни, у него есть „мѣдь звенящая, тяжелымъ балластомъ повисшая у него на ногахъ, и мѣшающая ему идти прежнимъ юношескимъ, бодрымъ и увѣреннымъ шагомъ Тогда о. Стефанъ затосковалъ. Потомъ, чтобы избавиться отъ тоски, онъ запилъ. „Онъ пилъ, пѣлъ пѣсни, обнимался съ людьми, со столбами, съ воротами, жалкій и смѣшной, но близкій себѣ въ это время... только это время, вспоминаетъ о. Стефанъ, потому-что исчезали тогда какія-то грани (заботы о приумноженіи доходовъ), исчезало все

привычное, люди обращали къ нему незнакомое, но веселое лицо и воедино онъ сливался съ незнакомымъ, но веселымъ міромъ. А потомъ, продолжаетъ онъ свои воспоминанія, и пить пришлось бросить: вѣдь это грозило разрушить привычную размѣренность жизни“. А потомъ что?— Ничего. Вокругъ гдѣ то летали кометы, происходили волненія и возстанія, люди гибли отъ голода и мора, словомъ сбывалось все, предсказанное Писаніемъ, а о Стефанъ погихоньку жилъ себѣ привычною и размѣренною жизнью и копилъ сокровища. И не для себя даже копилъ, потому что ему не нужны сокровища.

Столкновеніе съ Барабановымъ разбудило о. Стефана, но не надолго. Заныло что-то въ душѣ, глухо заговорила совѣсть, съ укоромъ указывая на бесплодно прожитую лучшую часть жизни, потомъ... когда скрылся Барабановъ, скрылись куда-то и ноющая боль въ душѣ, и совѣсть, и воспоминанія о лучшихъ дняхъ... Словно Матвѣй съ собою унесъ все это. И послѣ полудня, когда о. Стефанъ окончилъ въ городѣ всѣ свои банковскія дѣла, онъ почувствовалъ даже удовольствіе, убѣдившись, что вкладъ его достигъ уже солидной суммы въ тринадцать тысячъ рублей. — „Хорошо... хорошо, подумалъ онъ, хотя и чертова дюжина!“

Теперь спросимъ себя: что могъ о. Стефанъ сказать Барабанову кромѣ того, что имъ было сказано? Правда, онъ могъ бы вступить въ споръ съ Барабановымъ, могъ бы на философскихъ основаніяхъ доказать ему, что онъ дѣйствительно „великій грѣшникъ“, но во-первыхъ Барабановъ ничего бы не понялъ въ доказательствахъ о. Стефана, во-вторыхъ, заподозрилъ бы его въ неискренности. Такимъ образомъ о. Стефанъ не только не достигнулъ бы цѣли, но и кромѣ того вызвалъ-бы неискренность или по крайней мѣрѣ скрытность со стороны Барабанова, что какъ разъ было-бы противоположно этой цѣли. О. Стефанъ не сталъ доказывать Барабанову, что онъ „великій грѣшникъ“, а поступилъ гораздо умнѣе и честнѣе, сознавшись, что самъ онъ, погубившій душу свою собираніемъ сокровищъ большой грѣшникъ, поэтому не можетъ быть судьей. Поставимте те-теперь на мѣсто о. Стефана священника умнаго, энергичнаго, не собирающаго сокровищъ, а живущаго по заповѣди Христовой: „Ищите прежде Царствія Божія и правды его“. *) Что если бы такой пастырь встрѣтился съ Барабановымъ? Устоялъ-бы послѣдній? Нѣтъ, думаемъ мы, не устоялъ-бы. Барабановъ—натура слишкомъ прямая и честная, чтобы изворотливо уклоняться отъ прямой и честной борьбы. И онъ былъ бы побѣжденъ. Въ такомъ пастырѣ Барабановъ увидѣлъ бы не человѣка, несправедливо пользу-

щагося „гостинцами“, не наемника, отъ котораго бѣгутъ овцы, а „пастыря добраго“, готоваго жизнь свою положить за своихъ пасомыхъ и вмѣстѣ съ ними несущаго „тягу земную“. Такой пастырь—защитникъ Божіей правды покорилъ бы „защитника мірской правды“ и дѣломъ (примѣромъ своей жизни) и словомъ (пастырскими наставленіями) доказавъ ему, что Божія правда неизмѣримо выше и спасительнѣе мірской правды. И такого великаго по своему значенію и еще болѣе великаго по смыслу результата нашъ пастырь добился бы только благодаря примѣру собственной чуждой стяжанія жизни. Поистинѣ великое дѣло—собственный примѣръ!

М. В—скій.

ПО ЕПАРХІИ.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Въ 1899 году я былъ назначенъ на священническое мѣсто въ чрезвычайно раскиданный, полѣвскій приходъ: въ немъ, кромѣ главнаго села, было еще три приселка, въ дальнемъ разстояніи отъ церкви, и въ каждомъ изъ этихъ приселковъ—по церковной школѣ. Тотчасъ, по приѣздѣ на мѣсто назначенія, познакомившись сначала съ школами главнаго села: второклассной мужской и одноклассной женской, я порѣшилъ объѣхать школы и въ приселкахъ, съ цѣлью узнать, какъ стоитъ и тамъ дѣло обученія дѣтей.

Первая поѣздка была предпринята мной въ деревню, находящуюся въ 10 верстахъ отъ церкви и расположенную среди лѣса. Мнѣ сказали при отъѣздѣ, что школа помѣщается тамъ въ собственномъ зданіи. Черезъ два часа ѣзды по бревнамъ, кочкамъ и накотамъ, я въѣхалъ въ деревню и, когда спросилъ, гдѣ зданіе школы, мнѣ показали маленькую, ветхую, покосившуюся на бокъ избушку. Избушка представляла весьма жалкій видъ. Была она объ одной комнатѣ, безъ сѣней, такъ что наружная дверь вела прямо въ классъ; деревянная крыша ея прогнила и въ одномъ мѣстѣ завалилась; дымовая труба была сплетена изъ ивовыхъ прутьевъ, обмазанныхъ глиной, и приходилась не посерединѣ крыши, какъ обыкновенно устраивается, а торчала какъ то сбоку; окна были маленькія, стекла въ нихъ побитыя и гдѣ тряпками заткнуты, гдѣ дрянными задѣланы; подъ избушкой не было ни фундамента, ни завалинокъ, а стояла она на четырехъ большихъ камняхъ, между которыми было пустое пространство, гдѣ прятались куры и притомъ—позади какихъ-то хозяйственныхъ клѣтуховъ и хлѣвовъ, такъ что съ улицы ее и не видно было. Огорожи не было и слѣда. Издали эта избушка напоминала скорѣе на жилую стѣбку, въ которой

*) Въ нашей литературѣ типъ такого священника превосходно выраженъ въ лицѣ протоіерея Савелія Туберозова, главнаго героя хроники Лѣскова „Соборяне“.

полѣшуки сохраняють зимой сѣстные припасы, чѣмъ школьное зданіе.

Оставивъ лошадей на улицѣ и пробравшись къ школѣ, я увидѣлъ, что дверь, ведущая въ нее, отворялась наружу и по мѣстному обычаю началась на аршинъ отъ земли. Это дѣлается всегда на Полѣсѣ для того, чтобы высокимъ порогомъ, получающимся отъ такого устройства, заградить доступъ въ помѣщеніе свиньямъ, бродящимъ по улицамъ. Меня очевидно не ждали. Когда я неожиданно открылъ дверь, съ высокаго порога сорвалось нѣсколько дѣтей, а когда перешагнулъ черезъ него въ классъ, съ печки и лежанки стали прыгать на землю и убѣгать за скамьи и еще мальчики съ книгами. Оказалось, что за неимѣніемъ мѣста за скамьями, ученики сидѣли и учились во время урока и на порогѣ, и на печкѣ и на лежанкѣ. Въ небольшой, полутемной комнатѣ безъ пола ихъ было около 40 душъ, скамеекъ же только три. Освоившись съ темнотой, царившей въ классѣ, я увидѣлъ, кромѣ скамеекъ, въ комнатѣ еще столъ некрашенный и какой то допотопный стулъ съ высокой спинкой, объ одной ручкѣ съ тремя только ножками, подпертый кускомъ дерева. На стулѣ этомъ возсѣдалъ учитель, 90-лѣтній старикъ, Николаевскій солдатъ, съ трясущейся отъ старости головой, былъ онъ въ одномъ жилетѣ, босой, и возлѣ него, на столѣ, лежала... розга. Батюшку очевидно здѣсь рѣдко видѣли, и мое появленіе въ классѣ произвело панику. Ученики повскакивали съ мѣстъ, сбились въ одну кучу и, испуганно глядя на меня, зачѣмъ-то все крестились. Старикъ учитель поднялся съ мѣста и, тряся головой и спотыкаясь, поплелся за классную доску одѣваться, гдѣ у него стояла кровать и сундукъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ оттуда въ мундирѣ, съ медалями и громко привѣтствовалъ меня „здравія желаю, Ваше Высокопреподобіе, въ школѣ все благополучно“. Но благополучіе это оказалось ужаснымъ: методъ преподаванія былъ еще буквенный, самъ педагогъ еле-еле читалъ, ни бібліотеки, ни наглядныхъ пособій. Объ исправленіи дефектовъ нечего было и думать при такомъ учителѣ. Уѣзжая, я просилъ старца по крайней мѣрѣ розги не употреблять въ дѣло. Этотъ учитель получалъ 39 р. въ годъ отъ общества и 20 р. отъ совѣта.

Черезъ нѣсколько дней я посѣтилъ другую школу, въ деревнѣ, расположенной въ 7 верстахъ отъ церкви. Напутствуя, какъ добратся до этой деревни, мнѣ сказали, что школа тамъ не имѣетъ ни собственнаго, ни наемнаго помѣщенія, а постоянно путешествуетъ по селу, нѣсколько разъ въ году мѣняя помѣщеніе это, такъ сказать, школа передвижная. Я былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, ибо никогда не видѣлъ подобной школы. Какъ-же она функціонируетъ, думалъ я; если предыдущая школа находится въ такомъ жалкомъ состояніи, имѣя свое собственное „зданіе“,

то въ какомъ же состояніи эта, постоянно ползающая по селу школа?

Почему школа постоянно ползала въ селѣ, я сейчасъ объясню. Полишуки еще и теперь относятся къ школѣ скептически, а лѣтъ 10—12 тому назадъ считали школу забавой, прихотью начальства, совершенно не нужной крестьянину и заботились о ней, такъ, чтобы только „замазать глаза начальству“. Съ открытіемъ церковной школы въ той деревнѣ, о которой я пишу, сельскій староста, получивъ приказъ изъ волости отвести для нея квартиру, разсудилъ, что для такого пустого дѣла, какъ школа, не стоитъ тратить общественныхъ денегъ и распорядился, чтобы школу поочередно содержали въ своихъ домахъ бесплатно тѣ хозяева, дѣти которыхъ учатся въ ней. Выходило, по мнѣнію старосты, и экономично, потому что общественныя деньги сберегались, и справедливо, ибо всю тяготу по содержанію школы несли только тѣ, которые нуждались въ ней.

Отыскивать-то такую кочующую школу я и пріѣхалъ. Съ полчаса я разѣзжалъ по улицамъ деревни, спрашивая крестьянъ, не знаетъ ли кто, гдѣ теперь находится церковная школа, но толку не могъ добиться: одни показывали въ одну сторону, другіе—въ другую; одни говорили, что школа—у дядька Ивана, другіе—что у рябого Ничипора. Наконецъ нашель. Съ великимъ любопытствомъ подѣзжалъ къ этому неслыханному типу школы. Это была обыкновенная крестьянская изба, со всѣми признаками домовитости и хозяйственности, и снаружи не было никакихъ напоминаній о школѣ. По двору, куда я въѣхалъ, бѣгали куры, бродили поросята; на заборѣ висѣло бѣлье для просушки; возлѣ порога баба доила корову, ругаясь съ тиснувшимся къ ней теленкомъ; въ сѣняхъ другая баба что-то толкла въ ступѣ, высоко подымая толкача и подпрыгивая каждый разъ. Только когда я перебрался черезъ порогъ, такой же высокой, какъ и въ первой деревнѣ, и вошелъ въ самую избу, то тогда увидѣлъ школу.

Взору представилась такая картина. Въ углу подъ образами стоялъ столъ и кругомъ него сидѣло челоуѣкъ 15 дѣтей за книгами, нѣкоторые же стояли на колѣняхъ на полу, а возлѣ нихъ расхаживалъ учитель, отставной солдатъ—фейерверкеръ лѣтъ 30, въ пиджакѣ, высокихъ сапогахъ и съ папироской въ зубахъ. Тутъ же, среди комнаты висѣла люлька, въ которой лежалъ младенецъ и молодая женщина, наклонившись, кормила его грудью. Пожилая женщина, какъ видно хозяйка, около печки стряпала обѣдъ, а возлѣ порога огромный кабанъ ѣлъ изъ корыта какое-то мѣсиво, приготовленное для него, чавкая на всю избу и по временамъ громко похрюкивая отъ удовольствія. На печкѣ лежало штукъ 5 хозяйскихъ ребятишекъ съ грязными физиономіями и, молча, смотрѣли на эту картину; шко-

ла очевидно перекочевала сюда недавно и они еще дичились ея. Въ комнатѣ были: вонь, грязь, дымъ, тѣснота, жужжаніе дѣтскихъ голосовъ... Классной доски совсѣмъ не было.. Постановка дѣла здѣсь оказалась на такой-же высотѣ, какъ и въ прежней школѣ, учитель только по печатному могъ сносно читать, писанное же мало разбиралъ... Розги не употреблялъ но лупилъ линейкой, какъ оказалось. Получалъ онъ, такъ-же какъ и первый, 39 руб въ годъ отъ общества и какую то малость отъ Совѣта, да еще хозяева кормили его.

Третья школа церковная была въ 5 верстахъ отъ церкви. Стояла она на трактовой дорогѣ, имѣла собственное, новое помѣщеніе, крытое соломой, о двухъ комнатахъ: въ одной былъ классъ, въ другой помѣщался учитель. Построена эта школа была на горкѣ, въ весьма далекомъ разстояніи отъ другихъ усадебъ, но такъ, однако, что со всѣхъ сторонъ была видна, какъ на ладони, а возлѣ нея не только не было никакой постройки, или навѣса, но даже и кустика.

Постановка учебнаго дѣла такая-же была, какъ и въ первыхъ двухъ школахъ, ничѣмъ не замѣчательна, но за то въ школѣ этой былъ весьма замѣчательный методъ выживанія учительницъ крестьянами. Учительницъ крестьяне терпѣть не могли. Имъ лучше нравились учителя, съ которыми можно было и покурить и водки выпить и покумиться. Но отдѣленіе, какъ на зло, назначало въ эту деревню все учительницъ. Жалобы не помогали. Тогда крестьяне придумали весьма остроумный способъ сбывать ихъ сами. Такъ какъ отопленіе при школѣ полагалось отъ крестьянъ натурой, то они среди зимы прекращали подвозъ дровъ и вымораживали учительницъ. При мнѣ одну учительницу выморозили, не смотря на мои протесты и жалобы мировому посреднику на сельскаго старосту. Получали учительницы, такъ же, какъ и учителя въ первыхъ двухъ школахъ, очень малое содержаніе: по 30 р. въ годъ отъ общества и изъ Отдѣленія рублей 30—40.

Впрочемъ, не смотря на это, всѣ три школы, по тогдашнимъ отчетамъ, считались правильно функционирующими и вполнѣ отвѣчающими своему назначенію. Завѣдующіе даже получали награды за усердіе.

Есть ли гдѣ теперь на Волыни такія церковныя школы, съ такими порядками въ нихъ и методами преподаванія? А вѣдь это было недавно: лѣтъ 12 тому назадъ.

Священникъ **Александръ Малиновскій.**

ПЕЧАТЬ.

Священникъ и его жена, какъ приходскіе дѣятели.

И въ печати, и въ обществѣ неоднократно говорили и говорятъ о бездѣятельности и полной инертности православнаго духовенства. Упрекаютъ духовенство за то, что оно проситъ казеннаго жалованья и тѣмъ якобы хочетъ превратиться въ чиновниковъ и удалиться отъ ближайшаго соприкосновенія съ народною жизнью; приписываютъ ему стремленіе къ пріобрѣтенію свѣтскаго лоска, къ свѣтской роскоши въ одеждѣ и прочемъ житейскомъ обиходѣ; ставятъ ему въ вину рѣдкое и несамостоятельное произношеніе проповѣдей, лѣнность въ исполненіи законоучительскихъ обязанностей, обвиняютъ въ корыстолюбіи и нежеланіи довольствоваться, по примѣру апостольскому, добродѣтельными даяніями и тому подобное. Не оставляютъ, наконецъ, въ покоѣ и сельскихъ матушекъ, приписывая имъ полную разобщенность съ народомъ и тяготѣніе къ свѣтской жизни; и если въ печати случайно появляется замѣтка о какой-либо матушкѣ, проявившей себя въ роли учительницы цѣлительницы и руководительницы женскаго населенія въ приходѣ, то таковой примѣръ, какъ бы исключеніе, превозносится до небесъ; о немъ повторяютъ въ печати, на него указываютъ въ обществѣ, и часто въ присутствіи священниковъ и ихъ женъ какъ бы въ назиданіе идутъ рассказы о томъ, что вотъ-де тамъ-то священникъ заявилъ себя безсребренникомъ, проповѣдникомъ, борцомъ за народную трезвость, а вотъ тамъ-то матушка обучаетъ женщинъ молитвамъ, руководѣліямъ, безвозмездно лечитъ больныхъ, во множествѣ приходящихъ къ ней и проч.

Конечно, среди приходскихъ священниковъ и ихъ женъ встрѣчаются исключительно идеальныя свѣтлыя личности, всецѣло и до самозабвенія отдавшія себя на служеніе благу народному, — недавній примѣръ чтимаго (покойнаго) о. Іоанна Кронштадтскаго, этого пастыря-молитвенника, пастыря народника, вполнѣ подтверждаетъ этотъ фактъ. Но, несомнѣнно, такъ-же и то, что такія личности единичны, и рѣдко кому изъ заурядныхъ пастырей посильно достигнуть такого высокаго духа и жизни, какая была свойственна Кронштадтскому пастырю.

А то, что превозносятся обычно въ печати и разговорахъ въ обществѣ о добродѣтеляхъ того или иного батюшки или его супруги, вовсе уже не является исключеніемъ, и почти всѣ наши батюшки и матушки вовсе не чужды этихъ хорошихъ качествъ и дѣлъ. Дѣло лишь въ томъ, что иные изъ нихъ попадаютъ, какъ говорится, въ свѣтлую полосу, ихъ кто-нибудь замѣчаетъ, обращаетъ вниманіе на какое-либо ихъ дѣло, сообща-

еть о немъ въ печати и вотъ намъ указываютъ на пастыря идеальнаго, пастыря труженика и печальника народнаго, готоваго душу свою положить за други своя.

А если бы внимательно присмотрѣться къ дѣятельности такого образцоваго пастыря, то мы увидѣли бы, что онъ дѣлалъ и дѣлаетъ то же самое, что дѣлаютъ и всѣ другіе или, по крайней мѣрѣ,—громадное большинство приходскихъ пастырей. Разница лишь въ томъ, что дѣятельность этого большинства іереевъ, трудящихся по заголустьямъ нашей обширной Руси, очень незамѣтна для общества, для газетныхъ и журнальных корреспондентовъ и даже для начальствующихъ лицъ, на обязанности которыхъ лежитъ составленіе отчетовъ о пастырской дѣятельности,—незамѣтна такъ же, какъ для неопытнаго глаза незамѣтна кропотливая работа въ ульѣ пчелы-работницы. И только немногія лица изъ общества, любящія православное духовенство и сочувствующія ему, знаютъ, какіе труды несетъ приходскій священникъ, какія многосложныя обязанности приходится ему выполнять и сколько духовныхъ и физическихъ силъ приходится ему вкладывать въ порученное ему весьма нелегкое и отвѣтственное дѣло пастырства.

Прежде всего, немало времени у священника отнимаетъ исполненіе приходскихъ требъ; это въ особенности нужно сказать о приходахъ большихъ съ разбросанными и удаленными отъ храма селеніями. Путешествіе въ деревню за 10—15, а то и больше верстъ для напутствія, напр., больныхъ, или для иной какой либо требы, да еще на плохой крестьянской лошади, по нашимъ проселочнымъ дорогамъ, занимаетъ обыкновенно у него чуть не цѣлый день, затѣмъ крестины, погребенія, разнаго рода молебствія и проч.,—все это какъ будто бы дѣла и небольшія, но тѣмъ не менѣе, требуя немедленнаго удовлетворенія, отвлекаютъ священника отъ всѣхъ другихъ дѣлъ. Затѣмъ, слѣдуетъ законоучительство въ начальныхъ школахъ. Это уже особая дѣятельность пастыря. Съ расширеніемъ школьной сѣти, число школъ чрезвычайно увеличивается, и рѣдкій священникъ, даже небольшого прихода, не законоучительствуетъ въ двухъ, трехъ и даже четырехъ школахъ. Если въ числѣ ихъ есть школы церковныя, то священникъ долженъ быть (и бываетъ) въ ней каждый день; а если за 6—8 верстъ имѣется еще одна или двѣ школы земскихъ, то и въ нихъ ему нужно побыть не менѣе двухъ трехъ разъ въ недѣлю, чтобы болѣе или менѣе успѣшно пройти положенную программу по Закону Божію. Совершенно не посѣщать школу нельзя и, насколько мнѣ извѣстно, ни одинъ священникъ не уклоняется отъ законоучительства, справедливо видя въ немъ удобнѣйшій способъ духовно-нравственнаго воздѣйствія на приходъ. Я знаю священниковъ, посѣщающихъ свои школы почти

каждый день, если только есть свобода отъ требъ; я знаю священниковъ, ведущихъ въ школахъ религиозно-нравственныя собесѣдованія и чтенія. Это ли лѣность и нерадѣніе? Это ли пренебреженіе къ своимъ обязанностямъ?

Затѣмъ, я знаю священниковъ, устроившихъ образцовыя общества трезвости, весьма успѣшно функционирующія и привлекающія къ себѣ не малое число членовъ съ обѣтами трезвости. Это ли не забота о своей паствѣ?

Что касается проповѣднической дѣятельности приходскаго духовенства, то она проявляется и въ церковныхъ поученіяхъ съ кафедръ, и въ частныхъ бесѣдахъ. Зайдите вы въ любомъ селѣ въ храмъ въ Господскій, Богородичный или храмовой праздникъ и вы всегда услышите пастырское слово, хотя иногда и несобственное, но во всякомъ случаѣ простое и безыскусственное, а потому и понятное для народа. Частныя же бесѣды о душеспасительныхъ предметахъ каждый священникъ ведетъ съ прихожанами при каждомъ случаѣ; посѣщаетъ ли онъ больныхъ и умирающихъ, присутствуетъ ли на поминальной трапезѣ, раздѣляетъ ли таковую съ селянами послѣ молебствія,— всегда и всѣ ожидаютъ отъ пастыря назидательной бесѣды, и въ силу этого ожиданія онъ вынужденъ бываетъ, даже если бы по лѣности и не желалъ, дать своимъ собесѣдникамъ наставленіе, соответственное тому или другому случаю. И каждый пастырь въ такихъ случаяхъ охотно дѣлится съ окружающими словами назиданія, ибо, будучи, какъ главный приходскій наставникъ, центромъ вниманія своихъ собесѣдниковъ, онъ приложитъ все стараніе къ тому что-бы поддержать это вниманіе и на будущее время, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы своимъ молчаніемъ не уронить свой пастырскій авторитетъ.

Въ тѣхъ же цѣляхъ поддержанія своего авторитета, а вмѣстѣ и изъ сочувствія къ ближнимъ, свойственнаго всѣмъ людямъ, приходскій священникъ охотно помогаетъ своимъ пасомымъ и въ такихъ дѣлахъ, которыя, повидимому, и не имѣютъ прямого отношенія къ его духовнымъ обязанностямъ. Почти у cadaго сельскаго батюшки имѣется какая-либо справочная книжка по крестьянскимъ дѣламъ, изъ которой онъ даетъ нужные совѣты и разъясненія нуждающимся въ нихъ крестьянамъ, сообщаетъ справки изъ законовъ, составляетъ прошенія въ подлежащія присутственныя мѣста всѣмъ обиженнымъ и угнетеннымъ судьбою и злыми людьми, однимъ словомъ,—всячески помогаетъ прихожанамъ въ ихъ крестьянскихъ нуждахъ. Это въ особенности можно наблюдать въ селахъ, удаленныхъ отъ городовъ; и рѣдкій день у сельскаго захолустнаго священника вы не увидите то одного, то другого изъ прихожанъ, являющихся къ батюшкѣ за требою, за совѣтомъ по какому-либо земельному дѣлу, за наставленіемъ по случаю семейной неурядицы, и

съ каждымъ изъ посѣтителей ему нужно побесѣдовать довольное время для лучшаго уясненія данныхъ имъ указаній и наставленій.

Въ виду такихъ условій жизни сельскаго священника, необходимо признать, что онъ стоитъ къ своей паствѣ гораздо ближе, нежели пастыри городскіе, отношеніе которыхъ къ своему приходу ограничивается лишь исполненіемъ неотложныхъ требъ и совершеніемъ краткихъ молебствій по домамъ въ великіе и храмовые праздники, а потому и упрекать сельское духовенство въ разобщенности съ народомъ болѣе, чѣмъ неосновательно.

Упрекаютъ, между прочимъ, духовенство въ жадности, корыстолюбіи и стремленіи къ свѣтской и роскошной жизни. Но потому то духовенство и проситъ казеннаго жалованія, чтобы избѣжать упрека въ корыстолюбіи; когда священникъ протягиваетъ руку за молитвеннымъ пятакомъ, молебнымъ гривенникомъ, похороннымъ рублемъ и свадебнымъ троякомъ, то это уже называется вымогательствомъ, каковое, по уставу духовной консисторіи, подлежитъ строгому наказанію. Но когда съ того же священника спрашиваютъ плату за обученіе дѣтей, требуютъ уплаты взносовъ, то отнюдь не освѣдомляются, какимъ путемъ добываются средства на покрытіе этихъ расходовъ, какія тяжелыя минуты переживаетъ священникъ, „какъ звякнуть“ въ этой рученкѣ старухи прихожанки „два мѣдныхъ пятака“ (Некрасовъ).

Говорятъ еще о стремленіи нынѣшнихъ пастырей къ свѣтскому лоску и роскоши. Но что можетъ быть нелѣпѣе такихъ обвиненій! Неужели пастырское достоинство священника усугубляется, если онъ будетъ говорить грубымъ, вульгарнымъ языкомъ, съ прибавленіемъ крылатыхъ словечекъ, одѣнетъ на ноги лапотки, а въ праздники дегтярные сапоги, а на плечи подрясникъ и рясу изъ домашней пестрядины! Вѣдь надъ такимъ пастыремъ будутъ смѣяться тѣ же крестьяне, назовутъ юродивымъ и едва ли отнесутся къ нему съ уваженіемъ. Времена апостоловъ и первыхъ вѣковъ христіанства прошли безвозвратно, и пастыри бо соногіе, обутые въ лапти съ хламидою на плечахъ теперь уже будутъ не ко времени. Да и роскоши-то въ домѣ сельскаго священника никакой не существуетъ; домикъ и обстановка у него самые обыкновенные, какіе всегда можно найти въ домѣ зажиточнаго крестьянина: рѣдко развѣ у кого изъ духовенства увидишь и то разбитое фортепіано, пріобрѣтенное по дешевой цѣнѣ для подростящихъ дочерей. Что же касается дѣтей сельскаго духовенства, то они съ раннихъ лѣтъ запрягаются родителями въ хозяйственное ярмо; въ дѣтствѣ они пасутъ гусей и утокъ, въ отрочествѣ помогаютъ убирать сѣно и снопы, а съ пятнадцатилѣтняго возраста они работаютъ съ косой на лугу и серпомъ на полѣ.

О самихъ же родителяхъ и говорить нечего: все свободное отъ приходскихъ обязанностей весеннее, лѣтнее и осеннее время сельское духовенство отдаетъ хозяйственнымъ трудамъ, которые служатъ не малымъ подспорьемъ въ скудномъ существованіи его. И называть такую убогую жизнь священника роскошною—это значитъ произносить завѣдомую клевету, неимѣющую положительно никакого основанія. Но и при всей насущной необходимости для священника самому заниматься физическимъ трудомъ и вести хозяйство, онъ не можетъ отдаться всецѣло этимъ занятіямъ, потому что имъ препятствуютъ, какъ я выше сказалъ, и пастырскія дѣла, и случайныя, но разнообразныя бесѣды съ прихожанами по разнымъ вопросамъ, и церковное письмоводство со всевозможными переписками по разнымъ вѣдомствамъ.

Но успѣвая вездѣ и всюду, и съ требами по деревнямъ прихода, и въ нѣсколько школъ для уроковъ Закона Божія, и на внѣбогослужебныя бесѣды съ народомъ, поощряя личнымъ примѣромъ своихъ пасомыхъ къ почтенному земледѣльческому труду, руководствуя и направляя ихъ жизнь и дѣятельность на путь умственнаго и нравственнаго усовершенствованія, каждый пастырь незамѣтно, медленно, но успѣшно выполняетъ возложенную на него задачу истиннаго пастырства—дѣлать людей сынами Царствія небеснаго. И безъ шумной славы, безъ крикливаго восхваленія протекаетъ трудная, но многопользная жизнь многихъ и многихъ пастырей до глубокой старости и умираютъ они, не имѣя славы земной, и заслуживъ лишь милость Господню на небѣ за усердное исполненіе своего пастырскаго долга.

Несправедливы также и упреки со стороны печати и общества и по адресу сельскихъ матушекъ, которыя якобы стремятся къ свѣтской жизни и брезгливо сторонятся отъ участія въ народной жизни.

Жена сельскаго священника—это вѣрная подруга жизни своего мужа, незамѣнимая помощница ему во всѣхъ приходскихъ дѣлахъ, доступныхъ ея полу и разумѣнію; будучи правою рукою священника, раздѣляя съ нимъ и горе, и радости, она является столь необходимымъ звеномъ въ его жизни, что, въ случаѣ смерти ея, онъ положительно теряетъ, такъ сказать, подъ собою точку опоры и не можетъ съ прежней энергіей относиться къ своему пастырскому дѣлу. Завѣдуя домашнимъ хозяйствомъ, воспитывая дѣтей, количествомъ коихъ, къ слову сказать, сельское духовенство Господь не обижаетъ, жена священника помогаетъ своему мужу и въ такихъ дѣлахъ, которыя, повидимому, находятся внѣ сферы ея вѣдѣнія. Я знаю многихъ и многихъ матушекъ, особенно изъ гимназистокъ и епархіалокъ, которыя часто замѣняютъ мужей въ школахъ въ ихъ

отсутствіе, ведутъ церковное письмоводство и проч., давая тѣмъ самымъ священнику возможность посвящать свободное время исключительно пастырскимъ дѣламъ.

Пользуясь довѣріемъ женщинъ прихода, жена священника всегда является для нихъ большимъ авторитетомъ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся женскихъ интересовъ. Она обучаетъ дѣвушекъ рукодѣлю и шитью, даетъ совѣты и наставленія по веденію домашняго хозяйства, руководитъ замужними женщинами въ ихъ жизни семейной и въ воспитаніи дѣтей и, въ большинствѣ случаевъ, является цѣлительницей тѣхъ тяжелыхъ болѣзней, которымъ такъ часто подвергаются наши крестьянки вслѣдствіе своего неразумнія, простуды, неразборчивости въ пищѣ и т. под.

Всмотритесь повнимательнѣе въ жизнь сельскихъ матушекъ: у каждой изъ нихъ имѣется общедоступный лѣчебникъ и несложная домашняя аптека, изъ которой она отпускаетъ незатѣйливыя лѣкарства своимъ пациенткамъ; у каждой сельской матушки вы часто встрѣтите посѣтительницъ, однѣхъ и съ малыми дѣтьми: однѣ просятъ совѣта и помощи себѣ, другія—дѣтямъ, третьи просятъ скроить и сшить какой либо незатѣйливый костюмъ. И ни одна изъ матушекъ не брезгаетъ общеніемъ съ ними, не сторонится и не отказываетъ имъ, а напротивъ—всею душою идетъ на помощь крестьянскому люду. Я знаю нѣсколькихъ матушекъ молодыхъ, получившихъ хорошее образованіе, которыя не гнушаются прорѣзать гнойные нарывы у своихъ пациентокъ и даже пациентовъ, не гнушаются присутствовать при родахъ у крестьянокъ и помогать имъ при этомъ своими знаніями, совѣтами и даже личнымъ содѣйствіемъ. И многое другое дѣлаютъ сельскія матушки для блага народнаго, дѣлаютъ всѣ, за весьма рѣдкими исключеніями, но дѣятельность эта, будучи безвѣстною, не выходитъ за предѣлы захолустной глуши, а потому о ней знаютъ лишь всевѣдущій Господь, сами дѣлатели, да еще тѣ, коимъ дѣятельность эта служить на пользу.

И самоотверженная дѣятельность священниковъ и вѣрныхъ подругъ ихъ трудовой жизни, направленная къ благоустройству духовной и тѣлесной жизни народной, представляетъ собою случаи далеко не исключительные; она присуща всѣмъ пастырямъ Церкви православной, въ силу принятаго ими высокаго священнаго сана. Вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый пастырь, вліяя благодатію этого сана, и пастырскимъ авторитетомъ, и личнымъ примѣромъ на данную помощницу-жену, дѣлаетъ ее соучастницей въ служеніи благу народному. Рука объ руку неуклонно идутъ они по пути этого служенія, пути весьма тернистому, хотя и малоизвѣстному тѣмъ „свѣдущимъ“ людямъ, которые съ такою легкомысленностью рѣшаются упрекать православное духовенство въ бездѣятель-

ности, косности и нерадѣніи о своей паствѣ. Съ помощью Пастыреначальника Христа пастыри Церкви православной и впредь, конечно, безропотно будутъ нести тяжкій крестъ служенія своего на нивѣ Господней, никуда не уклоняясь отъ истиннаго пути и терпѣливо перенося незаслуженные упреки со стороны мнимыхъ друзей и радѣтелей православія. („См. Еп. Вѣд.“).

Извѣстія и замѣтки.

— Какъ устроить въ сельскомъ приходѣ кружокъ ревнителей православія. Всякому, наблюдающему деревенскую жизнь, приходится видѣть нынѣ упадокъ прежняго искренняго благочестія и твердой преданности вѣрѣ православной. Пережитые недавно годы лихолѣтія поколебали религиозныя основы простодушныхъ деревенскихъ обывателей. А фанатичное сектантство, широко пользуясь свободой пропаганды, съ дьявольскою хитростью всюду сѣетъ плевелы своихъ лжеученій и заблужденій, тяжкій религиозно-просвѣтительный трудъ приходится нести сельскимъ пастырямъ. Счастливы тотъ пастырь, у котораго ближайшіе сотрудники его—псаломщикъ или учитель школы—готовы или умѣютъ оказать ему помощь въ дѣлѣ религиозно-нравственнаго просвѣщенія народа. Но у всѣхъ ли сельскихъ пастырей найдутся такіе помощники? Не обречено-ли большинство сельскихъ пастырей всю тяготу нынѣшней деревенской жизни выносить на своихъ только плечахъ? Но какъ одинъ въ полѣ не можетъ быть воиномъ, такъ и сельскій священникъ не можетъ только самъ одинъ съ успѣхомъ остановить замѣчаемая имъ въ средѣ своихъ прихожанъ противоцерковныя теченія.

Кто же могъ-бы оказать помощь пастырю въ дѣлѣ религиозно-нравственнаго оздоровленія деревни? Помощь эту можетъ найти пастырь въ самомъ народѣ. Вѣдь не всѣ обитатели нынѣшней деревни преклонили свои колѣна передъ невѣріемъ, заблужденіемъ и пороками... Въ каждомъ сельскомъ приходѣ есть еще, благодареніе Богу, немалое число душъ, преданныхъ церкви. Вотъ этихъ то людей пастырю и слѣдовало бы объединить въ кружокъ или братство, цѣлью которыхъ было бы помогать священнику въ дѣлѣ благоустроения религиозно-нравственной жизни прихода.

Само собой разумѣется, что успѣхъ дѣятельности такого кружка ревнителей будетъ зависѣть, прежде всего и главнѣе всего отъ степени ревности участниковъ его, а потомъ и отъ той организаціи, какую придастъ кружку ревнителей вѣры учредитель его—приходскій пастырь. Опытные организаторы приходскихъ кружковъ или братствъ

ревнителѣй вѣры и благочестія совѣтуютъ пастырямъ, озабоченнымъ устройствомъ въ своихъ приходахъ такихъ кружковъ, начать съ того, чтобы приблизить къ себѣ всѣхъ благочестивыхъ, трезвыхъ и грамотныхъ (по возможности) при этомъ и въ ихъ душахъ возжечь пламень ревности къ православію и благочестію, заповѣдуемому христіанамъ Св.-Церковью. Прежде всего необходимо этимъ благонастроеннымъ прихожанамъ преподавать ученіе вѣры православной, хотя бы въ видѣ краткаго православнаго катехизиса. На катехизацію прежде всего надо обратить вниманіе, потому, что вѣдь въ сектантство, по большей части, уходитъ тотъ, кто не знаетъ православнаго ученія или знаетъ его поверхностно.

На ряду съ изученіемъ катехизиса ревнителями вѣры рекомендуется предлагать имъ систематическія противосектантскія бесѣды. Теперь имѣются въ большомъ количествѣ миссіонерскіе листки по всѣмъ вопросамъ, пререкаемымъ сектантами и невѣрами. Вотъ эти-то листки съ сокращеніями или дополненіями ихъ, если это понадобится, и можно прочитывать послѣ катехизическаго урока. Оживлять религіозныя бесѣды пастыря съ ревнителями было бы цѣлесообразно общимъ пѣніемъ наиболѣе употребительныхъ церковныхъ молитвъ. Для спѣвокъ хорошо было бы назначить особые вечера въ теченіе недѣли; на общія средства ревнителѣй необходимо купить сборники пѣснопѣній и молитвъ церковныхъ, напр., сборникъ прот. В. Успенскаго, или же молитвословы. Конецъ каждой бесѣды пастыря съ ревнителями можно бы посвящать живымъ бесѣдамъ по разнымъ религіозно-нравственнымъ вопросамъ, какіе заявлены будутъ предварительно къмъ либо изъ членовъ кружка.

Занятія съ членами кружка ревнителѣй, по указаніямъ опытныхъ организаторовъ миссіонерскихъ кружковъ, должны быть регулярны.

Путемъ постояннаго общенія съ ревнителями вѣры православной руководитель кружка пастырь узнаетъ, кто изъ нихъ и какую службу вѣрѣ и благочестію христіанскому могъ принести. Одинъ изъ членовъ кружка ревнителѣй, на примѣръ, желалъ бы посвятить себя дѣлу насажденія трезвости въ народѣ. Такой ревнитель учитъ другихъ уже своимъ трезвымъ поведеніемъ: онъ же можетъ увѣщевать добрымъ братскимъ словомъ, или же читать въ народѣ печатныя брошюры и листки о вредѣ пьянства. Другому или другимъ изъ ревнителѣй миссіонерскаго приходскаго кружка можно было бы поручить наблюденіе за пропагандой сектантовъ. Ревнитель вѣры православной, изучившій основательно, подъ руководствомъ своего пастыря, пререкаемые вопросы вѣры, можетъ дать надлежащій отпоръ сектантамъ и предохранить отъ сектантской заразы смущаемыхъ православныхъ прихожанъ. Онъ сумѣетъ объяснить прихожанамъ истинность православія и пагубность

сектантства. Къ слову сказать надо, что на крестьянъ производятъ сильное вліяніе увѣщанія и предостереженія со стороны ревнителѣй вѣры изъ крестьянъ же; къ нимъ какъ-то довѣрчивѣе относятся наши селяне.

Многоцѣнную услугу кружокъ ревнителѣй православія можетъ оказать тому приходу, гдѣ введено хуторское хозяйство. Хутора обыкновенно разбросаны вдали отъ села и церкви. Понятно, что приходскому священнику нѣтъ возможности усмотрѣть самому за прихожанами, живущими въ хуторахъ. Между тѣмъ хуторяне не застрахованы отъ вредной пропаганды сектантства. Дальность разстоянія отъ приходской церкви затрудняетъ хуторянъ въ посѣщеніи храма и они, вслѣдствіе этого, лишены возможности слушать пастырскія предостереженія отъ лжеученій и обличенія заблужденій сектантовъ. Попадись же имъ сектантъ съ Евангеліемъ въ рукахъ, они выслушаютъ его, и найдутся такіе, которыхъ хитрые сектанты совратятъ.

Вотъ въ этомъ случаѣ приходскій кружокъ ревнителѣй православія и можетъ сослужить свою миссіонерскую службу, зорко наблюдая за религіозно-нравственнымъ состояніемъ хуторянъ, сообщая свои наблюденія приходскому пастырю и отъ него получая указанія, какъ и что надо дѣлать въ противовѣсъ сектантству.

Живымъ примѣромъ той, несомнѣнно, великой пользы, какую въ религіозно-нравственномъ отношеніи можетъ оказать сельскому приходу кружокъ ревнителѣй православія, является существующій въ Кіевской епархіи таковой кружокъ въ с. С. Васильковскаго уѣзда. Называется онъ еще кружкомъ трезвенниковъ.

Приходскій священникъ с. С. регулярно ведетъ съ кружкомъ ревнителѣй катехизическія бесѣды и противосектантскія. Члены этого кружка настолько преуспѣли въ знаніи православія и такъ уяснили себѣ лживость сектантства, что съ успѣхомъ могутъ научить вѣрѣ и другихъ, и бороться съ сектантскими заблужденіями. Вліяніе ревнителѣй въ этомъ приходѣ велико. Такъ, между прочимъ, по ихъ настоянію закрыты въ с. питейныя заведенія, выведены изъ употребленія свадебныя попойки и другіе дурныя обычаи. Благодаря кружку ревнителѣй православія, въ с. не имѣютъ успѣха въ настоящее время и сектанты, такъ какъ здѣсь они не могутъ пожинать плодовъ своей пропаганды, постоянно встрѣчая твердый отпоръ со стороны ревнителѣй вѣры. Происходятъ въ с. и возвращенія сектантовъ въ православіе, но не совращенія православныхъ. Таковы результаты дѣятельности надлежаще организованнаго приходскаго миссіонерскаго кружка ревнителѣй православія. (Вѣст. Вил. Св. Д. Бр.)

— **О внѣшнемъ видѣ проповѣднической каѳедры въ храмѣ и ея необходимости.** Обычнымъ мѣстомъ проповѣдника слова Божія въ храмѣ

служить амвонъ, что по словопроизводству съ греческаго языка значить восхождение; эта возвышенность амвоновъ въ храмѣ служитъ напоминачіемъ тѣхъ возвышенныхъ мѣстъ и горъ, съ которыхъ Самъ Господь поучалъ народъ, и поучалъ такъ, потому что всегда имѣлъ большое число слушателей, изъ которыхъ каждый жаждалъ не только услышать Его божественное слово, но и видѣть самую личность Божественнаго Учителя. По заповѣди Христа „шедше въ міръ проповѣдите Евангеліе всей твари“ (Марка гл. 16 ст. 15), слово Божіе благовременно и безвременно проповѣдуется всюду пастырями церкви, и нельзя не отмѣтить той любви и той жажды, съ какою (въ особенности простой) народъ слушаетъ поученія пастырей, въ настоящее время въ особенности заботящихся о религіозно-нравственномъ воспитаніи своихъ пасомыхъ и въ этихъ цѣляхъ ведущихъ бесѣды въ храмахъ даже во внѣ богослужебное время.

Но какъ ни отрадно такое явленіе, наблюдаемое въ средѣ христіанъ православныхъ, — все таки слѣдуетъ обратить вниманіе на одно обстоятельство, хотя по характеру своему часто внѣшнее, тѣмъ не менѣе препятствующее назиданію слушателей слова Божія, а потому и нежелательное. Дѣло въ слѣдующемъ:

Мы уже сказали, что амвонъ долженъ быть устраиваемъ нѣсколько выше, чѣмъ солея, тогда какъ въ дѣйствительности подобное устройство амвона строго не соблюдается, и въ большинствѣ храмовъ мы видимъ не только алтари, но даже и мѣсто предъ царскими дверями (амвонъ) совершенно одного уровня со всѣмъ поломъ. Между тѣмъ, обращаясь къ древности, мы узнаемъ, что въ прежнія времена амвоны въ храмахъ устраивались съ нѣсколькими ступенями и имѣли видъ нынѣшней каедръ. Или же, въ иныхъ храмахъ для проповѣдниковъ устраивались особыя каедръы какія мы можемъ видѣть и въ настоящее время у насъ въ Москвѣ, напримѣръ: въ Епархіальномъ домѣ, въ соборѣ Андрея Первозваннаго въ г. Кіевѣ, въ Каедральномъ соборѣ г. Одессы, въ Соборномъ храмѣ г. Риги. Очень, и даже очень, удобно устраиваются для проповѣдниковъ мѣста въ храмахъ современной намъ Греціи, особенно въ Аѣинахъ. Вотъ ихъ устройство: проповѣдниковъ вы тамъ увидите стоящими не передъ Царскими дверями, а надъ ними, Царскія двери вмѣ-

стѣ съ нижнимъ ярусомъ иконостаса въ тако выхъ храмахъ обыкновенно устраиваются нѣсколько отступя отъ верхней части иконостаса (самаго алтаря); въ этомъ промежуткѣ дѣлается въ нѣсколько ступеней подъемъ на проповѣдническую каедръу, которая устраивается такимъ образомъ надъ самыми Царскими дверями, а съ лицевой стороны загораживаетъ до половины корпусъ проповѣдника большой двухглавый орелъ, сзади котораго устроено мѣсто для книги или тетради.

Теперь обратимъ вниманіе наше на это удобство, какое представляется проповѣднику при произношеніи имъ проповѣди съ подобныхъ каедръ или вообще съ возвышенныхъ амвоновъ. Удобство, несомнѣнно, обоюдное: — и проповѣдникъ, при такихъ условіяхъ, можетъ безпрепятственно обращать свое слово ко всѣмъ имѣющимся въ виду слушателямъ, и слушатель, хотя бы онъ стоялъ у порога церковныхъ дверей, имѣя предъ глазами проповѣдника, не будетъ имѣть нужды подвигаться впередъ и тѣмъ стѣснять себя и другихъ, а, оставаясь на своемъ мѣстѣ, можетъ разобрать каждое слово проповѣдника. Наконецъ, возвышенности проповѣдническаго мѣста требуетъ и самое произнесеніе проповѣдей. Только та проповѣдь можетъ считаться самою наилучшею, которая хорошо произнесена, а передача нами своихъ мыслей словами естественно должна сопровождаться тѣми или другими внѣшними телесными знаками — головой, глазами, руками и всею фигурою тѣла, и которая, слѣдовательно, должна быть не только слышна, но и видима.

Остается ожидать, чтобы на это было обращено вниманіе, и надѣяться, можетъ быть, даже и въ скоромъ времени увидѣть проповѣдниковъ, стоящихъ ступеню или двумя выше надъ солею и гораздо выше общаго уровня съ народомъ. Таковыми возвышеніями могутъ послужить небольшіе круги или квадраты на подобіе архіерейскихъ каедръ, восьмигранники, употреблявшіеся въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій и доселѣ сохранившіеся въ нѣкоторыхъ приходскихъ храмахъ Московской епархіи (Дух Бес).

Печатать разрѣшается: За цензора

Архимандритъ Прокопій.

Редакторъ неофициальной части

Архимандритъ Митрофанъ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е Н О М Е Р А .

- I. Часть официальная. II. Часть неофициальная: 1) Къ свѣдѣнію духовенства. 2) Окружный миссіонеръ. 3) О церковномъ чтеніи. 4) Свѣтская печать о духовенствѣ 5) По епархіи. 6) Печать. 7) Извѣстія и замѣтки.